

ИВАР РАВИ

18+

The illustration depicts a muscular, bearded man with a shaved head (Prometheus) on the right, looking towards a hairy, ape-like creature on the left. They are in a rugged, mountainous landscape with a body of water and a small settlement in the distance. The scene is lit with warm, golden light, suggesting a sunset or sunrise. The overall style is painterly and dramatic.

ПРОМЕТЕЙ
КАМЕННЫЙ ВЕК

Ивар Рави
Прометей каменный век
Серия «Прометей», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65778937

ISBN 9785005501851

Аннотация

Максим Серов врач, участвующий в миссии на МКС вместе с напарником Михаилом. МКС пролетает через странное свечение и оказывается над Землей, где очертания материков те же самые, но есть изменения. Но самое главное-нет связи С ЦУПом, а на поверхности Земли нет следов присутствия человека. Напарник Максима погибает и он принимает решение садиться на безлюдную и дикую Землю. Земля не совсем безлюдна и вскоре наш космонавт сможет встретиться и с кроманьонцами и с неандертальцами. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Прометей: каменный век	5
Глава 2. Стадии принятия неизбежного	15
Глава 3. Депрессия и принятие решения	32
Глава 4. Здравствуй Земля	45
Глава 5. Разведка и первая ночь на Земле	58
Глава 6. Первая рыбалка и проблема соли	71
Глава 7. Каботажное плавание	83
Глава 8. Дождь и неожиданное оружие	96
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Прометей каменный век

Ивар Рави

© Ивар Рави, 2021

ISBN 978-5-0055-0185-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Прометей: каменный век

Глава 1. Пропавшие пирамиды

– Михаил, посмотри, ты такое видел? – позвал я напарника, удивленный картиной, представшей перед моими глазами, рассматривая из купола МКС звездную карту космоса. Станция в этот момент пролетала над обратной от Солнца стороне Земли, внизу ярким огнем горели светлячки городов, сливаясь в мерцающие пятна.

– Что там такое? – Михаил, оттолкнулся от переборки жилого модуля «Tranquility», подплывая ко мне.

Я притормозил его рукой, помогая остановиться. В условиях невесомости всегда приходилось страховать друг друга. Я указал направление: прямо по курсу движения станции в космосе на траектории нашей орбиты было непонятное слабое свечение, ограниченное по периметру темным барьером.

– Космическая радиация взаимодействует с мусором на орбите, – высказал свое мнение Михаил после минутного молчания.

– Почему тогда мы не видим звезд в области этого свечения? Про радиацию и мусор я сам думал, но мусор тоже летит со скоростью идентичной нашей, а здесь все стационарно, мы приближаемся к этому свечению, – не согласился

с предположением коллеги.

– Это радиация и мусор, они дают оптические иллюзии, я лучше в этом разбираюсь, – категорично отрезал Михаил.

Я не стал с ним спорить, он уже второй раз на Станции, есть опыт работы в открытом космосе. А всего лишь я новичок, увлекшийся на последнем курсе медицинского института космической медициной и только благодаря высокой протекции попавший в Плесецк. Благодаря той же протекции, я оказался самым молодым космонавтом в истории освоения космоса, который попал на МКС: двадцать восемь мне исполнится только через неделю. Михаил же был из старожил: немногие в его возрасте дважды побывали на МКС, в том числе и руководители миссии.

Область свечения по мере нашего приближения становилась больше, еще минуту минут назад она была размером с бильярдный стол, сейчас свечение было размером с футбольное поле. При нашей скорости мы войдем с ним в соприкосновение через минуту.

– Михаил, может, доложим в ЦУП, что наблюдаем странное свечение?

– И что мы скажем? Что видим космическую радиацию? Пока сигнал дойдет и нам ответят, мы уже будем далеко от этой радиации, – лениво откликнулся Михаил.

Я оттолкнулся и поплыл по воздуху, хватаясь за петли в модуле, чтобы доложить в ЦУП.

– Ты куда? – остановил меня вопрос Михаила.

– Свяжусь с Землей, запрошу инструкции, доложу о свечении.

– Ты медик?

Вопрос был риторический, не дожидаясь моего ответа, Михаил продолжил:

– Вот и занимайся своими прямыми обязанностями, снимай показания, проводи тесты. Когда связываться с ЦУПом решать мне, тем более мы сейчас в зоне неустойчивой связи.

Для меня было странно видеть такое пренебрежение инструкцией от опытного космонавта, который второй раз на МКС. Но настаивать не стал, в последнее время Михаил был сам не свой, постоянно срываясь на крики и оскорбления. Только необходимость неукоснительного соблюдения своих должностных обязанностей, предусматривающих, в том числе, и полную подчиненность командиру, сдерживала меня от конфликта. Я знал, что перед стартом миссии, Михаил развелся с женой. Точнее она оставила его, мотивируя тем, что муж должен быть рядом с женой, а не болтаться на орбите в четырехстах километрах над ее головой. Официально развод они не оформили по просьбе Михаила. Этот факт мог стать тормозом для его участия в миссии. Позавчера он почему-то решил поделиться со мной, мне было его по-человечески жаль, но он скрыл это от руководителя полетами. что являлось грубым нарушением.

Мы с интересом наблюдали за приближавшимся свечением, похожим на полярное сияние. Я заметил, как вспотел мой напарник, несмотря на систему терморегуляции в модуле. Вцепившись в ручку на стенке комплекса, мы через иллюминаторы купола с замиранием сердца дождались момента, когда курс МКС пересек странное свечение. Абсолютно ничего не произошло, в этот момент Станция закончила виток вокруг Земли и яркие лучи Солнца приветствовали нас, скользя по иллюминаторам и освещая наши лица.

Михаил вернулся в жилой модуль, мне же предстояло снять показания с лабораторного модуля «Destiny», чтобы отослать на мыс Канаверал. Соглашение российско-американского сотрудничества в области космоса продолжало действовать, несмотря на политические разногласия. Путь в «Destiny» лежал через узловой модуль «Юнити», две промежуточные фермы для хранения негерметичных грузов. Это в фантастических фильмах герои топают по своему кораблю, словно на прогулке по набережной. В действительности приходилось плыть по воздуху, хватаясь за специальные ручки на боковых панелях модулей и ферм. Если слишком сильно оттолкнешься, пролетишь мимо отсека, чтобы этого не случилось, везде есть специальные ручки и петли.

Сняв показатели, тем же путем возвращаюсь назад. Теперь все данные надо вбить в компьютер и отослать в Хьюстон. Никакой романтики, целый день снимаешь показания

приборов, отмечаешь звездную карту космоса и читаешь. Читал я много, рядом спутники, интернет скоростной. В последнее время увлекался больше постапокалипсисом, попаданством. Правда «попаданцы» в книгах были мастера на все руки: помнили наизусть все технологии раннего Средневековья, становились графами и князьями и, конечно, все местные девки были от них без ума. Особенно умиляло, как далекие от геологии главные герои находили железную руду, осваивали плавку металла и ковку ножей, сабель и иных инструментов.

Михаил дважды выходил в открытый космос: один раз работал с манипулятором «Kibo» снаружи одноимённого герметичного отсека, второй раз, чтобы настроить солнечные панели модуля «Заря». Когда я снова вернулся в жилой модуль, МКС подлетала к границе тени, так мы называли часть Земли, где в настоящее время была ночь. Михаил завис в воздухе с наушниками, слушая музыку. На станции не абсолютная невесомость, через какое-то время тело медленно опускается, соприкосновения с полом бывает достаточно, чтобы снова на время зависнуть в воздухе.

МКС пересек границу тени, я сделал несколько снимков звезд автоматической камерой с внешней стороны станции и направил на Землю, чтобы сделать снимки ночной Земли, которые в последнее время пользовались бешеной популярностью из-за цветовой гаммы освещенной Земли с высоты четырехсот километров. Не поверив камере, я выглянул

в иллюминатор: Земли не было! На месте где обычно всегда находилась Земля, играя разноцветными пятнами, освещенных ночью городов, была просто темнота. Я протер глаза и посмотрел снова, никакого намека на наш голубой шарик.

– Михаил! Михаил!

Вспомнив, что он дремал и слушал музыку в наушниках, я оттолкнулся чересчур сильно и еле успел ухватиться за ручку на повороте в жилой модуль. Михаил недовольно открыл глаза при прикосновении и, вынув наушники, спросил недовольным голосом:

– Что там опять, Макс, свечение? Хватит паниковать, все под контролем.

– Земля, Земли нет, ее не видно!

Михаил посмотрел на меня как на больного: «перегрелся пацан, второй месяц в космосе, нервы сдают».

– Кто ее украл, клинганы?

Увидев, что шутка не нашла поддержки, он оттолкнулся от переборки со словами:

– Ну, пойдем, найдем нашу Терру.

Я вслед за ним оттолкнулся в сторону Купола, надеясь, что просто обознался и готовый к тому, чтобы выдержать любые насмешки со стороны коллеги.

Михаил раньше меня доплыл до обзорных иллюминаторов Купола и приник к ним. Я остановился на полпути, ухватившись за свисавший с купола кабель, питающий наружную

аппаратуру фото и видеофиксации.

Михаил обернулся ко мне. На его лице было написано полное недоумение:

– Может, мы совершили переворот и сейчас летим лицом к космосу и спиной вперед? – озвучил он единственное, на мой взгляд, правдоподобное объяснение.

– Давай посмотрим через модуль «ВЕАМ», там другой угол обзора, – предложил я, чтобы не молчать.

Ситуация меня нервировала, ни в одном сценарии при подготовке полета в космос, такого не предусматривалось.

– Не пойдет, вернемся в жилой, выведем на экраны картинку американского модуля Коламбус и японского Кибо, – сказал Михаил.

Эти модули находились по разную сторону друг от друга, как боковые плавники у рыбы.

– Хорошо.

Я следовал инструкции, старший в команде принимает решение до тех пор, пока нет явных признаков его недееспособности. Несколько минут Михаил по очереди выводил изображение с камер различных модулей. Земли не было.

– Вызови ЦУП, – Михаил откинулся назад, совершая сальто с поджатыми ногами.

Этот трюк ему удавался куда лучше, чем мне, может проблема была в моем вестибулярном аппарате. Все попытки связаться с ЦУПом не дали успеха ни в сверхкоротком, ни

в коротком диапазоне. Передатчики молчали, был слышен только космический шум, видеосвязь тоже не работала.

Первое правило в космосе – не паниковать. Паника стугбила американцев на их Аполлоне 13. Усилием воли, держа себя в руках, я спросил ровным голосом:

– Может то свечение сожгло все средства связи?

– Это была радиация и мусор, – устало возразил мне Михаил. – А, если бы на Земле в один момент выключили электричество, мы увидели бы Землю? Может, просто проблемы со светом, типа мощный выброс солнечной энергии, и энергосистемы стран не выдержали. Сейчас идут ремонтные работы и скоро все восстановят.

Теория показалась мне разумной, ведь и раньше были солнечные вспышки, выведившие из строя энергосистемы целых стран. Тогда и феномен со свечением понятен, это был поток остаточной плазмы.

Больше мы не разговаривали, медленно текло время, до окончания витка вокруг Земли оставалось двадцать минут, когда мне в голову пришла мысль, от которой я чуть не подпрыгнул:

– Никуда Земля не исчезла, мы летим в темноте. Потому что Земля прикрывает от нас свет Солнца! Наверное, на планете объявили час экономии электричества или глобальный сбой, – я цеплялся за любую соломинку.

– Молоток!

Михаил даже сделал два кувырка, но, не рассчитав, коснулся переборки. Теперь становилось понятно – катаклизм в космосе вызвал нарушение электроснабжения, потому и связи тоже нет.

Станция вынырнула в солнечный свет, вырвав из наших глоток радостный крик. Внизу под нами виднелась наша родная голубая планета. Сейчас мы пролетали над Европой, пересекая Средиземное море, следом очередь Африки, я увижу любимые пирамиды, потом мы пролетим весь африканский континент, издали наблюдая Антарктиду. Через виток пролетим над Москвой, Кавказскими горами, и так, смещаясь с каждым витком. Средиземное море кончилось, отчетливо виден Нил, я ищу взглядом пирамиды. Не найдя, прикипаю к окуляру камеры, используя зум, вижу цепь гор Алжира, при максимальном разрешении камеры вижу два крупных рукава Нила. Но пирамид нет, их просто нет!

«Это просто нервы и усталость, замылился глаз», – подумал я, делая прицельные снимки Нила и Египта в разных секторах. Сейчас отправлю изображение и там с хорошей визуализацией спокойно налюбуюсь на это чудо человеческих рук.

Проходя к своему рабочему месту, вижу, что Михаил пытается связаться с ЦУПом. Потеряв терпение, он вызывает Хьюстон, затем космодром Куру. В ответ только тишина, на-

рушаемая радиационными всполохами в космосе. Вывожу фотографии на экран, листаю, но пирамид упорно не нахожу. Снова звать Михаила не хочется, хватит его подколов, после того, как оказалось, что я развел панику, решив, что Земля исчезла. Возвращаюсь в купол. МКС проплывает над юго-восточными берегами Африки, виден Мадагаскар.

– Не может быть, чтобы так долго не было связи, – Михаил, то ли задает вопрос, то ли констатирует, – не нравится мне все это.

– Ничего больше странного не заметил? – я колеблюсь недолго, отодвигаюсь в сторону и освобождаю экран. – Это Египет, вот Нил, хотел увидеть пирамиды, мне не удалось, сделал фотографии в максимальном разрешении, смотри сам.

Я поднимаюсь со стола. Михаил садится и, прикасаясь к сенсорному экрану, перелистывает страницы. Перелистывает второй и третий раз, потом оборачивается ко мне с глупым выражением лица:

– Где пирамиды, Макс?

Глава 2. Стадии принятия неизбежного

Шок, связанный с моментом, когда мы не увидели ночную Землю в огнях, практически сразу перешел в стадию отрицания, когда на фотографиях, сделанных при максимальном разрешении, не оказалось египетских пирамид, этих гигантских построек, видимых из космоса невооруженным взглядом.

– Этого не может быть, ты просто взял не ту область, – Михаил был раздражен. Конечно это было несправедливо, мне ли не знать, что фотографирую.

Тем не менее, не желая обострять и без того напряженную обстановку, я произнес примирительно:

– Может быть, я действительно ошибся, повторим на следующем витке с боковым упреждением, а через пару витков мы сможем сфотографировать Великую Китайскую Стену, если связь к этому времени не восстановится.

Я снова снял показания с американского, российского и японского оборудования, центр управления которыми находился в соответствующих модулях. В очередной раз мы пересекли границу тени, и снова Земли не было видно, хотя звездная карта была видна прекрасно. Я дважды попробовал вызвать ЦУП на связь, вызывал и Хьюстон и Куру. От-

ветом была лишь тишина, изредка нарушаемая радиоактивным фоном космоса.

Отсутствие связи было крайне странным, с тех пор как на орбите действовала многофункциональная космическая система ретрансляции на базе спутников «Луч», пропала зависимость связи, от пролета по противоположной стороне планеты. Конечно, космическая радиация могла вызывать помехи, но чтобы такие длительные?

Когда МКС снова пролетал над освещенной территорией планеты, Михаил сам делал фото, сам выводил их на экран, надеясь увидеть пирамиды.

– Угол съемок слишком тупой, искривление световых лучей могут наложить искажения, поэтому мы ничего не видим на фото, – подытожил он, убедившись, что искомым объектов на фотографиях нет. Михаил раздраженно встал, уступив мне место.

Мы решили пообедать, ведь на наших часах, настроенных по московскому времени, было время обеда. В космос нельзя взять пищу в привычной нам упаковке. Туда берут, как правило, сублимированные продукты. Перед сублимацией приготовленные блюда замораживают при помощи жидкого азота, разделяют на порции и извлекают лишний лёд. Такую еду упаковывают в специальные вакуумные пакеты. Даже суп сохраняют только в порошкообразном виде. К такой еде со временем привыкаешь, но периодически хочется жи-

деньского супа или борща. На космической станции все продумано так, чтобы мусора было как можно меньше, но его все равно всегда бывает много.

Обычно мы собирали бытовой мусор в плотные герметические мешки, утрамбовывали его по мере возможности и хранили в модулях, недалеко от стыковочных шлюзов. Когда грузовой корабль «Прогресс» доставлял грузы и питание на МКС, мусор переносился в грузовой корабль, который после отстыковки отправлялся на планету, где и сгорал в плотных слоях атмосферы.

Мы были на станции второй месяц, сменив американскую пару астронавтов. Через сорок дней нам на смену должен был прилететь интернациональный состав из четырех человек: двое россиян, француз и японец. Вместе с ними будет доставлен запас полезного груза и питания. С учетом того, что грузовых кораблей пока не планировалось, к концу их миссии, мусором будут заставлены практически все модули. Но это была их проблема, а не наша, нас в данный момент интересовало отсутствие связи, если пирамиды мы могли просто не увидеть, то связь отсутствовала уже больше четырех часов.

В любом центре управления полетами есть несколько резервных систем электропитания, а также вспомогательные и дублирующие, все они сверхнадежные. Я снова попробовал вызвать ЦУП и снова с нулевым результатом. После трех

витков станции вокруг планеты мы вышли на широты и долготы Китая, Дважды делая виток, мы сделали не менее ста фотографий, но Великой Китайской Стены на них не обнаружили.

«Нет пирамид, нет Китайской Стены, тогда посмотрим на огромные городские агломерации», – с этой мыслью снова засел за камеру, наводя объектив по координатам крупных городов. Отдельные здания из космоса не увидеть, но сами города, четкие линии широких проспектов и просто городской контур, должен быть виден. Но не было на фотографиях ни Москвы, ни Пекина, ни Нью-Йорка. Не было ровных квадратов полей, лоскуты которых можно увидеть по однотонной окраске даже с космоса.

Проанализировав все фотографии, мы упали духом. Ситуация не поддавалась логическому объяснению: под нами крутится голубой шарик, именуемый нами домом, но выглядит он чужим. Не было связи, не было знакомых культурных строений планеты, не было городских агломераций. Перебирая фотографии, наткнулся на нечто потрясающее: было несколько снимком области Черного моря и Суэцкого канала. Черное море оказалось внутренним морем без связи со Средиземным, а Суэцкого канала не существовало вообще. В проливе Ла-Манш существовал архипелаг из островов.

Земля изменилась и изменилась очень сильно: шапки полярных льдов были больше в разы. На месте африканских

пустынь, видных из космоса, был ландшафт характерный для саванны. Огромная дельта Нила, простиравшаяся на десятки и сотни километров, стала меньше втрое. Каспийской море было больше втрое, по-крайней мере мне так показалось. С каждой новой фотографией. мы находили все больше изменений, свидетельствовавших, что под нами не привычная нам планета.

Я чувствовал, как внутри меня нарастает паника, готовая перевести меня в истерические состояние. Сделав над собой героическое усилие, обращаюсь к напарнику:

– Слушай, Михаил, а может это не наша Земля, ведь существует теория параллельных Вселенных?

– Х..ню не неси, – Михаил переходил в стадию гнева, неизбежно следующую после отрицания.

Я все еще находился в стадии отрицания. Михаил внезапно оживился и спросил:

– Эй, любитель фотографировать, ты несколько дней назад или еще раньше снимал пирамиды, Стену и прочие хрени?

– Снимал и не раз, пожалуй даже много раз, – ответил я, не понимая вопроса.

– Вот сейчас и посмотрим, видно ли всю эту хренотень на тех фотографиях! – он легкими касаниями экрана открыл архив и начал просматривать фотографии, отснятые днями ранее

Через пару минут отсортировав их по координатам, Михаил повернул экран так, чтобы и я мог хорошо его видеть. И я увидел, увидел полуромбики пирамид, размерами не больше спичечного коробка, снятые под разными ракурсами. Где-то видна одна, а где-то и пара пирамид. Китайская Стена также обнаружилась, виднеющаяся еле заметной змейкой. Были видны контуры многих крупных городов, все они были день назад, сейчас не было ничего.

Только сейчас обратил внимание, что нет интернета. Озабоченный фокусами со связью и отсутствием знакомого ландшафта, я не пробовал войти в интернет раньше.

– Михаил, интернета нет!

Если связь могла пропасть по технической причине, то спутники вращались на орбите, не могло же их что-то вывести из строя. Оборудование на МКС не пострадало и функционировало в штатном режиме.

– Макс, какие мысли приходят тебе в голову? – Михаил успокоился и, видимо, хотел проанализировать ситуацию.

Я вспомнил «Машину времени» Герберта Уэльса и выдал первое, что показалось логичным:

– Мы или в будущем, через огромное время и видим Землю без следов человечества, либо мы в прошлом, еще до признаков цивилизации. Есть еще вариант, что это параллельная Вселенная, и мы видим двойник нашей планеты.

На этот раз Михаил не стал стебаться и, немного подумав, уверенно сказал:

– Мы в будущем, человечество, скорее всего давно покинуло Землю, наверное из-за климата. Мы уже жили при критических нормах углекислого газа в воздухе и каким-то образом мы перенеслись на сотни, тысячи или десятки тысяч лет вперед. А наши потомки сейчас, вероятнее всего, живут на Кеплере или на Проксиме Центавра, в зависимости от уровня прогресса в то время, когда они были вынуждены покинуть Землю.

– Михаил, а может мы в прошлом?

– Время нельзя повернуть вспять, если скачок во времени, то только вперед.

– А параллельная Вселенная?

– Еще Хокинг доказал, что если бы они существовали, то нельзя попасть из одной в другую, именно такая невозможность и могла допускать само такое существование. Его объяснение было мне непонятно, но выглядело логичным. Таким образом, получалось, что мы сделали скачок во времени.

– Михаил, то свечение, через которое мы пролетели, ведь после него все изменилось?

– Мне на ум приходит единственное логическое объяснение – это была «кротовая нора».

Михаил подлетел ко мне и продолжил:

– Это конечно теоретически, но существование таких «кротовых нор» впервые было озвучено еще очень давно.

И согласно авторитетным ученым именно такие «червоточины» позволяют путешествовать в пространстве и времени.

Михаил замолчал, но спустя пару минут воскликнул:

– Если мы доберемся до своих потомков, мы знаменитости, Макс! Мы первые кто прошел через кротовую нору!

– Если это не параллельная Вселенная, – возразил я, не готовый так быстро отказаться от своей теории.

– О параллельных Вселенных ученые даже не спорят, а что касается «кротовых нор», то в этом вопросе есть много теоретически проработанных гипотез. В любом случае сейчас нам надо думать, как быть дальше и какие действия предпринять. Так что работаем в штатном режиме, пока в голову не придет умная идея.

Михаил оттолкнулся, вернулся за главный дисплей и начал просматривать параметры телеметрии станции.

Он рассуждал здраво, снова становясь похожим на самого себя, опытного тридцатидвухлетнего руководителя миссии. Стадия торга неизбежного повлияла на него положительно, это вновь был умный целеустремлённый человек. Теперь он торговался со временем, из всех трех вариантов, предложенных мной, перемещение в будущее оказывалось благоприятным по ряду причин.

У нас, по крайней мере, оставалась мизерная надежда, что наши потомки, бороздящие космос, смогут нас спасти, если только сумеет подать им сигнал. Идея эта пришла в голову Михаилу, однако именно я вспомнил, что у нас много

солнечных панелей, есть переменный ток, преобразованный из энергии солнечного света, и есть, наконец, свет, ведь световые сигналы подавались людьми еще в каменном веке с помощью костров. Михаил оценил идею как «умную» и рожденную симбиозом двух интеллектов на орбите прародины человечества. Мы с энтузиазмом принялись ее реализовывать.

– Значит, так Макс, у нас есть два варианта, немедленно садиться на планету, или попробовать отправить в космос радиосигнал. Сесть мы всегда успеем, но вначале надо попробовать подать сигнал. если мы в далеком будущем, вполне вероятно, что сигнал смогут отследить. И даже после приземления, нас можно будет найти. – Мне нечего было возразить на такое, было сожаление, что не связался с ЦУПом, прежде чем мы пересекли область аномалии.

Следующие несколько дней, мы занимались созданием радиосигнала, способного послать в глубины космоса сигнал SOS обычной морзянкой. При этом оба совершенно напрочь не хотели думать, сколько сотен лет сигнал может идти, если человечестве обитает где – то в глубинах Вселенной. Работал в основном Михаил, имевший знания в радиотехнике, а я приносил и подавал нужные предметы.

У нас был запас еды почти на два месяца, при том, что нас должны были сменить через сорок дней, но это жесткое правило на МКС – запас всегда должен превышать потребность.

Михаил предложил урезать рацион и растянуть его на три месяца, даже если наши потомки получат сигнал, то неизвестна скорость их кораблей и сколько им придется лететь. Все это было вилами по воде писано, но более умных идей у нас просто не было. Будет обидно, если мы умрем от голода, не дождавшись помощи.

В последующие дни я с неизменным упорством фотографировал планету, но, увы, никаких следов человечества не обнаружил. Не было также писка в эфире и вскоре мы перестали надеяться, что это авария или просто сбой. Мы были одни на орбите планеты, и нигде не было даже намек на присутствие человека. Ни на Земле, ни на орбите не было следов спутников при триангуляции. А ведь на разных орбитах над планетой вращаются тысячи спутников, запущенных людьми в разные годы.

На седьмой день при пролете через «кротовую нору» Бог не сотворил нам людей, но маленький камешек из космоса сотворил настоящую беду. Пробив две секции солнечных панелей по правому борту, камешек разнес и радиаторный модуль. У нас было еще два радиаторных модуля и потерю одного можно было перенести, но уровень жидкости на станции стал понижаться. Вода всегда дефицит на МКС. Неограниченный запас нельзя взять, а организму всегда нужна жидкость, поэтому моча очищается, фильтруется и вновь поступает в общий объем воды. Каждая капля, вытекающая из разбитой радиаторной, укорачивает наши дни.

Радиаторная расположена так, что если войти через шлюз со станции, то половина кислорода пропадет, просто нет возможности перекрывать модули. Работать можно только с внешней стороны. Михаил облачился в скафандр и, когда шлюзовая камера открылась, он начал пробираться к месту повреждения. В прошлый его выход в открытый космос с нами на связи был ЦУП, координируя наши действия. На МКС есть скафандры и есть специальный ранец «Установка для перемещения и маневрирования космонавта» с резервом работы до семи часов. Но есть облегченный вариант выхода в открытый космос без УПМК, когда требуется мелкий ремонт и проводится на он непосредственно на поверхности, без перемещения в космосе вне поверхности станции.

Только после его выхода я вспомнил, что оба скафандра ранее уже использовались и запас кислорода в них был ограниченным. Связавшись с напарником, я напомнил ему об этом, но он просто отмахнулся, заверив меня, что работы там на пару минут.

В тот день все шло не по инструкции. Выходить в открытый космос даже на минуту с неполным запасом кислорода категорически запрещено. Я еще раз напомнил про инструкцию, но в ответ услышал совет, куда и как далеко мне идти.

Сейчас станция летела над освещенной стороной планеты, надо было торопиться всё закончить до пересечения границы тени. Я отслеживал действия Михаила по камерам, вот

он уже миновал первую поврежденную панель солнечных батарей, поравнялся со второй, но тут страховочный трос запутался в поврежденных секциях.

– Стой, – скомандовал я, – трос зацепился за панели.

Михаил обернулся, увидел, что трос змейкой проскользнул между панелями и создал там реальную головоломку. Его рука потянулась к карабину.

Поняв его намерение, я почти проорал:

– Даже не думай отстегивать!

– Не ссы, это просто на всякий случай страховка, меня держит гравитация, – он отстегнул трос и миновав вторую секцию, шагнул к радиаторной переключая обзор на своем скафандре.

Теперь я видел дырку в стене радиаторной размером с куриное яйцо. Таких крупных камешков не было за всю историю полетов в космос. Михаил, повернув колесо затвора налево, открыл шлюз радиаторной. В этот момент изображение его скафандра на камере размыло и пошатнулось.

– Что случилось, – спросил я в микрофон, чуть не срываясь на крик.

– Вода закипела, ничего не вижу, – последовал ответ, а затем громкое: – Твою мать!

С внешней камеры я увидел, как со стороны радиаторной он плывет, из открытого шлюза радиаторной вылетали белые льдинки, по крайней мере что-то похожее на льдинки. Михаил миновал первую секцию солнечных панелей, едва

не ухватившись за торчащий конец.

– Порядок, сейчас стабилизирую положение и вернусь к радиаторной, – его голос был напряженный, но без паники.

Я так и не понял, что случилось. Может он неправильно оттолкнулся? Или сама Станция изменила положение в пространстве? Через секунду я услышал нервный голос напарника:

– Макс...

Кинувшись к монитору, я заметил, как Михаил отдаляется от края станции, совсем медленно, но верно. Это опровергало все, что я знал о теории гравитации. Времени терять было нельзя. Проскользнув по стенам, я добрался до гермошлюза модуля «Bishop», через который вышел Михаил.

Мучительно долго я облачался в скафандр – это была почти непосильная задача для одного человека. О том, чтобы использовать УПМК не было речи, самому его просто не нацепить, нужен помощник. Потом взял страховочный трос и, дождавшись выравнивания давления в шлюзе путем откачки воздуха, я открыл шлюз и впервые в жизни шагнул в открытый космос. Пристегнув карабин к специальной ручке снаружи гермошлюза, я начал осторожно подниматься на станцию, ориентируясь на правую сторону. Михаил был довольно далеко. Он дважды говорил со мной, пока я одевался, мешая мне. Сейчас, увидев меня, он снова произнес:

– Пристегнул карабин?

– Да, – ответил я, дрожа от страха.

Мне предстояло покинуть поверхность станции, поплыть в космосе и схватить Михаила. Тренажер это одно, но в реальности все по другому, цена ошибки – смерть. Михаил почувствовал страх в моем голосе.

– Макс, оттолкнись, только не бойся, ты зафиксирован. У тебя все получится!

Я несильно, скорее совсем несильно, оттолкнулся. Пролетев только до половины расстояния, я понял, что выбрал неверное направление. Меня пронесло мимо и отдернуло назад на несколько метров. Выбирая руками трос, я вернулся и повторил попытку. На этот раз я долетел до самого Михаила, но в последний момент тот сделал попытку дернуться навстречу и уплыл немного в сторону. Напарник находился в нескольких метрах от меня по правой стороне.

– Сделай кувырок через голову, тебя поднесет ко мне, – сказал Михаил.

Но, разве не логичнее ему это сделать? Постараюсь, хотя это не самое удачное, что у меня получается. Делаю кувырок, нога цепляет трос и наматывается, меня отдергивает в сторону от Михаила.

– Ты идиот, кто так делает кувырок! – кричит он мне, сопровождая эти слова обильным матом.

«Ладно, внутри разберемся», – я гашу злость в самом кор-

не. Теперь расстояние между нами метров тридцать не меньше, да еще меня и назад отдернуло, намотавшийся трос укоротил длину.

Снова, перехватывая трос, возвращаюсь к корпусу станции, чтобы оттолкнуться. Нужно выбрать правильное направление, это самое главное... За время полета мы перемещаемся с огромной скоростью, это вносит изменение в траектории во время полета. Набираю в легкие воздух, словно перед прыжком в воду и отталкиваюсь. Скорость хорошая, направление верное, но около полуметра мне не хватает, чтобы схватить друга за руку. Я пролетаю мимо метров на десять, и трос меня снова отбрасывает назад к станции. Торопливыми движениями выбираю трос и снова подтягиваю себя к станции. Голова болит, смотрю на датчик кислорода, десять процентов... А сколько уже у Михаила? Ведь он раньше вышел. Наши кувырки выходят боком, увеличивая потребность в кислороде. Пружиню тело для прыжка и слышу голос Михаила:

– Стой. Макс отставить, у меня два процента кислорода, думаю у тебя не намного больше. Ты можешь просто не успеть вернуться, открыть шлюз, выровнять давление и снять скафандр. Как старший по миссии приказываю: вернуться на станцию! Я проиграл... Космос победил.

Я слышу тяжелое дыхание, ему критически не хватает кислорода. Отталкиваюсь и лечу, я не брошу его! Долетаю, хватаю за ногу, Михаил молчит, но в микрофон слышу сви-

стящее дыхание. Перехватывая одной рукой, я начинаю выбирать трос, метр за метром. Долго, очень долго... Шлюз приближается, но крайне медленно. В висках начинает стучать, чувствую, что кислорода нет.

Взгляд на датчик – четыре процента. Вот и шлюз, отпускаю ногу и начинаю проворачивать колесо затвора. Черные мушки размером с фасоль, мелькают перед глазами. Шлюз открыт, я толкаю Михаила внутрь, ногами вперед, руки мешают, но, кажется, удалось. Наконец, втискиваюсь сам. Падаю, с усилием поднимаюсь, почти ничего не видя, ощупью нахожу и давлю на кнопку. В шлюзе горит красный свет, сигнализирующий о том, что кислорода в шлюзе нет. Внутри отрицательное давление, потому, что я травил воздух перед выходом. Красный свет начинает моргать тогда, когда мои легкие начинают разрываться от желания вздохнуть.

Зеленый свет! Негнушимися пальцами я срываю шлем и, получив глоток райского наслаждения, срываю шлем с Михаила. Неужели опоздал?! Синюшность по всему лицу, выпученные глаза с расширенными зрачками и рвота в шлеме. Он умер...

Несколько минут я пробовал делать непрямой массаж сердца. Никакой реакции.

Даже одного взгляда было достаточно, чтобы понять бесполезность реанимационных действий, но инструкция требовала следовать протоколу, и я старался. Убедившись, что

все это бесполезно, я прекращаю бессмысленные попытки.

Михаил взирал на меня выпученными глазами медленно планируя, словно хотел поиздеваться. Я оставил его тело в гермошлюзе, здесь низкая температура, нельзя было допустить разложения внутри станции. Отправить тело в космос мне казалось кошунственным. Так и не приняв окончательного решения, в состоянии, близком к отчаянию, я вернулся в жилой модуль.

Глава 3. Депрессия и принятие решения

Оставшись после смерти Михаила один в огромной станции, я ожидаемо впал в депрессию. Вылезая из своего короба, устроенного по принципу спального мешка, чтобы невесомость не мотала из стороны в сторону, я принимал еду, справлял нужду, что само по себе являлось целым неприятным процессом, и снова устраивался в своем «спальнике».

Тому, кто никогда не переносил тяжелой депрессии, не понять всю ужасную и убийственную суть этого состояния. Допустим, вы просыпаетесь утром и не можете встать. Вы пытаетесь поднять руку, но у вас не получается. Что за чёрт? Вы снова пытаетесь поднять руку и встать с кровати. Тело вас не слушается. Оно не хочет. Почему? В итоге вы кое-как справляетесь с собой и встаёте, но не знаете зачем.

Допустим, вы просыпаетесь и на следующее утро. Вы не открываете глаза. Уже сам факт того, что вы проснулись, удручает. Вам нужно что-то делать. Вам нужно куда-то идти. Зачем? Вы откладываете дела и засыпаете снова. Если бы вы могли спать вечно, вы бы спали. Но организм так не может. Вы просыпаетесь, но не открываете глаз. Вы не хотите. Вы не хотите даже разлеплять свои веки. Вы закрываетесь одеялом и пытаетесь заснуть снова. Вы уже проспали четырнадцать

дцать часов, и организм не может больше. Борьба становится мучительной. Вы открываете глаза и чувствуете боль.

В перерывах между сном и полусонным состоянием, я жалел себя, снова и снова проклиная свой выбор, связавший меня с космосом. Я был единственным сыном обеспеченных родителей. Мой отец, Серов Сергей Николаевич, был потомственным военным, ракетчиком. Его военная часть в лесу за Красногорском входила в третье кольцо противоракетной обороны, чем папа гордился всю жизнь. Само собой, что он имел тесные контакты с Плесецком, с конструкторскими бюро и с детства прививал мне любовь к ракетам.

Но вопреки его ожиданиям, я выбрал профессию врача. Уже на пятом курсе, наслушавшись разговоров докторов в больницах, где у нас проходили практические занятия, решил, что не буду вкалывать на тридцать тысяч в месяц. Так мой выбор и любовь отца к ракетам нашли общую канву, я выбрал редкую специальность – космическую медицину. После окончания института попал в центр подготовки космонавтов.

Моя мама, Янович Елена Анатольевна, была из семьи музыкантов, но сама выбрала специальность ветеринара и работала руководителем ветеринарной клиники «Доброе сердце». Я с детства часто бывал у нее на работе, мешая ей работать, Мне нравилось смотреть, как она лечат животных.

Благодаря отцу, отношение ко мне в центре подготовки космонавтов было лояльным. И когда Волков Иван Сергее-

вич, тридцатипятилетний врач, попал в автокатастрофу, переходя дорогу на красный свет, решение о выборе напарника Михаилу было принято в мою пользу. В пользу новичка, который всего два года назад переступил порог Центра. Не попади Волков под машину, не будь влияния моего отца, я бы сейчас на Земле занимался чем-нибудь, а не торчал бы на высоте четырехста километров на орбите над мертвой пустынной Землей.

Сегодня был третий или четвертый день после смерти Михаила, я просто не знал точнее. Вылез из «спальника» в очередной раз, чтобы сходить в туалет, и остановился. Мне послышался посторонний шорох.

«Галлюцинации... Скоро начнутся необратимые психологические расстройства», – поставил я себе диагноз.

И тут же представил, как на станции мечется, натываясь и отлетая от стен, заросшее существо, некогда бывшее Максимом Серовым. От этой картины у меня прошли по коже мурашки.

За последние несколько дней я впервые прошел в модуль управления. Посмотрел на дисплеи, непрерывно выводящие данные скорости и курса, альтиметр, который показывал высоту триста шестьдесят километров. Получается, что за неделю станция снизилась примерно на десять километров. Каждые две недели приходилось корректировать курс, возвра-

щая станцию на прежнюю высоту, орбита была низкой, чтобы пренебрегать гравитацией.

Допускалось значение высоты орбиты до трехсот сорока километров, но тогда при коррекции курса затраты топлива были большие. Чем ниже спускалась орбита, тем быстрее начиналось снижение в последующем из-за увеличения трения в более плотных слоях атмосферы. Высота ниже трехсот километров считалась критической, топлива на станции просто не хватит, чтобы поднять ее. После этого падение со сгоранием в атмосфере станет неизбежным.

Восстановлением курса обычно занимался Михаил, а его действиями управляли с ЦУПа. Теперь не было ЦУПа, а труп Михаила лежал в гермошлюзе. За все эти дни я не смог заставить себя пойти туда. Передатчик Морзе он так и не успел собрать, значит, никакого сигнала я послать не мог. Мне оставалось только растягивать продукты, оттягивая неизбежный конец. Теперь, я остался один и мог растянуть запас продовольствия на два месяца при средней экономии.

Но было одно критическое НО: если не включить двигатели и не поднять станцию повыше, то максимум через три недели, она войдет в плотные слои атмосферы и превратится в горящий факел. МКС летела на неосвещенной стороне планеты и камера в автоматическом режиме делала фотографии темного пятна, именуемого планетой. Режим авто-

матической съёмки с кратностью снимка каждые пять минут установил Михаил ещё до того злополучного выхода в космос.

Чтобы чем-нибудь забить мозги я вывел все снимки на экран, перелистывая один за другим. Ничего нового, ни следа человеческой деятельности. Ночные снимки я поставил на автоматическую перемотку – чего пялиться в темное пятно, обрамленное светлячками звезд. Как вдруг глаз уловил что-то странное. Это было еле заметное пятнышко.

Я остановил перемотку и вернул слайд. Увеличил еле заметное пятно... Что это вулкан? Пожар в лесу? Я заинтересовался и сделал максимальное увеличение. Вероятно вулкан, ничего другое не приходило в голову. А если костер? Меня даже пот прошиб при этой мысли. Если это костер, то, возможно, на планете остались люди. Посмотрел на дату снимка, наложил траекторию движения станции. Получалось, что снимок сделан над территорией современной Франции, но там нет, насколько мне известно, вулканов. Может природный пожар, но на всех последующих снимках, сделанных после, пятнышка не было.

Люди или природное явление?

Сердце билось как бешеное, до этой минуты мысль о том, что на Земле могли остаться люди, не приходила в голову. Над территорией Франции МКС должна появиться на следующем витке, сейчас я пересекал границу тени, внизу бы-

ло видно голубое пятно Атлантического океана. Сорок пять минут на освещенной стороне тянулись как сутки и вот, наконец, станция нырнула в тень. Теперь я рассматривал темень через камеру, на максимальном разрешении.

Еле видимое мерцающее пятнышко чуть не заставило моё сердце остановиться от радости! Я сделал серию фотографий, которые сразу бросился рассматривать на дисплее. Сомнений быть не могло, это был источник света, либо маленький вулкан, либо костер. На пожар не было похоже. Не может пожар локализовано стоять на одном месте двое суток. Если это костер и его развели люди, значит, планета пригодна для жизни!

Только сейчас я вспомнил о целом ворохе лабораторных модулей на МКС, несколько часов занимался спектральным анализом. Данные ошеломили – кислорода в атмосфере было двадцать три процента!

«Это же насколько Земля очистилась, стоило человечеству покинуть ее», – промелькнула в моей голове мысль.

Впервые за долгое время впереди забрезжил просвет, как бы я не экономил еду и воду, им придет конец и тогда моя смерть неминуема от голода и обезвоживания. Из этого следовало, что только попытаться выжить можно лишь на Земле. Конечно, оставался вопрос, есть ли там жизнь вообще, если планета была покинута людьми. Первая мысль была о том, что многие животные организмы на суше и в мировом океане, за время своей эволюции подвергались куда

большим испытаниям, но выжили. Значит, вопрос необходимости попасть на Землю практически не оспаривается.

Вторая мысль была более практичной, как попасть на Землю, покинув станцию? Теоретически в этом проблемы небыло: на МКС есть собственная спасательная капсула. Её роль исполняет модифицированный космический корабль «Союз». За все время работы МКС с 1998 г. спасательной шлюпкой не пользовались. Каждая новая миссия меняла запас продуктов и контролировала работоспособность капсулы путем подачи питания и проверки работы дисплея, показывавшего состояние оборудования. Спасательная капсула, стоявшая в безвоздушном пространстве в гермошлюзе, не подвергалась никакому разрушительному воздействию.

Теоретические знания по эвакуации с МКС у меня были, как и у любого космонавта. Учения по экстренной эвакуации со станции были одними из самых важных и много раз отработываемых еще в Центре. Модуль пристыкован к российскому стыковочному узлу РСС, к нему легко добраться из любого модуля на станции.

Сценарий спасения был следующим: если работа МКС в управляемом режиме невозможна, экипаж станции переходит в «шлюпку» через люк в верхней части аппарата. После размещения в тесной кабине космонавты надевают противоперегрузочные костюмы и закрепляются в креслах. На все операции, включая закрытие люка и герметизацию,

уходит две-три минуты. Штатная отстыковка от МКС занимает десять минут, но в аварийной ситуации все происходит в ускоренном темпе.

Проплыв до российского стыковочного узла, я открыл гермошлюз. Спасательная капсула стояла, надежно пристыкованная к шлюзу внешней стороны.

Я открыл люк и спустился внутрь. Четверо космонавтов здесь сидят как сельди в бочках, но для одного это бизнес-класс. Я повернул тумблер включения питания. Засветились лампочки дисплея, встроенного в стенку. Вроде все работает. Я выключил тумблер. Время до спасательной операции есть, теперь надо проработать все от «а» до «я». Время отстыковки от станции, предполагаемый маршрут приземления и еще массу других моментов.

Я вернулся в командный модуль «Заря», прихватив с собой из капсулы «Руководство по аварийной эвакуации» еще в редакции 1998 года. Теперь надо было просчитать массу моментов. Обычно космонавты при спуске с собой не берут ничего лишнего, я же во многом буду теперь зависеть от того, что удастся доставить с собой вниз, исходя из того, что кроме предполагаемого костра, никаких следов человечества нет.

Спасательная капсула отстреливается автоматически, и приземление тоже происходит на автопилоте. На нужной высоте открывается парашют, и срабатывают тормозные двигатели. Главные вопросы – где приземляться и как рассчитать траекторию? Что из того что есть на корабле при-

годится внизу, не считая продуктов. У меня было примерно две недели на подготовку, пока орбита станции позволяет не спешить.

За это время надо собрать необходимые вещи, продукты, предметы быта, инструменты, короче все, что мне могло пригодиться. Все это надо перенести и разместить в капсуле так, чтобы не травмировать себя во время приземления. Надо рассчитать момент пуска спасательной капсулы, причём расчет произвести с учетом траектории и скорости движения. А в этом я был слаб, это не было моей сильной стороной. Нельзя было забыть о лекарствах, на станции всегда был солидный запас медикаментов, включая набор хирургических инструментов, шовного материала, перевязочного материала, дезинфицирующих средств.

Надо было отобрать продукты максимально длительного. Это на станции есть возможность хранить их вечно, а внизу непонятно какие меня ждут сюрпризы, кроме повышенного содержания кислорода.

Итак, я определил для себя приоритеты, исходя из того, что, возможно, окажусь на необитаемой, но пригодной для жизни планете. Максимум продуктов, одежда, инструменты и оружие. На станции были столовые приборы из пластиковых вилок и ножей, ножи не ахти себе, но для приема пищи годились. Рассчитывать на пластиковые ножи и вилки как на оружие было нелепо, значит, оружия у меня нет. Инстру-

ментов на станции было много: гайки с барашками и карабины, усиленные тонкие тросы, ключи накидные и рожковые, даже домкрат был. Предназначение некоторых инструментов я даже не знал, поэтому надо будет определяться на месте.

Кроме того, в самой спасательной капсуле тоже должен быть аварийный запас питания и воды, предназначенный на несколько дней. Я решил собирать необходимые мне вещи в модуле «Рассвет», с которым через гермопереходник был соединен стыковочный узел. Собирать начал с одежды, стараясь брать только все необходимое для длительного ношения.

Когда горка одежды была прихвачена шнуром, чтобы она не летала в воздухе, настал черед инструментов. Все ключи, которые впоследствии могли быть переплавлены, нашли себе место в сумке, также зафиксированной шнуром. Медикаменты я носил сразу на станцию, в пластиковых боксах, в которых они находились в модуле «Заря» в отдельном шкафу.

Три дня заняло, чтобы перетащить все, что я смог наскрести на станции на модуль «Рассвет», а потом в капсулу. За раз удавалось взять не очень много груза, который мешал передвигаться. Задевая стену, он получал импульс движения в невесомости и увлекал меня за собой, приходилось хвататься за что попало, чтобы остановиться.

Я перестал убирать мусор и теперь упаковки от еды вре-

ментами мешали движению, возникая из ниоткуда. Почти целый день ушел на то, чтобы разместить все это внутри спасательной капсулы, которая теперь оказалась забитой всевозможными тюками с одеждой, медикаментами и внушительной сумкой с инструментами. Места оставалось мало, а продукты я еще не трогал. Пришлось убрать часть одежды и выбросить из медикаментов одноразовые системы для переливания растворов. Не знаю, какой умник догадался их доставить на станцию – трансфузия в условиях невесомости была нереальной. Один из кейсов с комплектов инструментов также пришлось отложить. Труднее всего было расстаться с ноутбуком, но какая от него польза, если электричества нет и не будет? Солнечные панели станции-целый комплекс и у меня нет переходника, чтобы запитать ноутбук. Да и сама мысль выхода в открытый космос, вызывала страх. Не раз потом придется пожалеть о своём глупом решении. Оглядываясь назад, могу сказать, что вел себя как испуганный школьник, а не как космонавт. Набрал слишком много продуктов, порой оставляя самое необходимое.

Теперь я засел за расчеты, многократно проводя математические выкладки по расчёту траектории станции. Приземляться я хотел во Франции, где на фото было мерцающее пятнышко. Спуск в автоматическом режиме с преодолением орбитальной скорости в восемь километров в секунду занимал около восьми минут, с учетом снижения скорости после

срабатывания парашюта. Это означало, что команду на отстыковку капсула должна получить примерно над проливом Ла-Манш.

МКС должна была пролетать над той территорией через восемь витков, поэтому в моем распоряжении оставалось чуть больше десяти часов. Следовало еще перенести продукты, чем я и занялся, обливаясь потом. Время моего старта было назначено на двенадцать часов дня по московскому времени. Дальше около десяти минут полета и я должен приземлиться примерно в районе Орлеана.

В одиннадцать часов дня, перетаскав солидный запас продуктов, я решил остановиться. Именно в этот момент станция снова нырнула в темноту. Сорок пять минут полета в тени, и я снова увижу солнце.

Пересечение границы тени я встретил уже капсуле, одетый в противоперегрузочный костюм. Включенный дисплей показывал время отсчета: ровно десять минут до отстыковки от станции. Цифры замелькали на табло показывая начало отсчета, в капсуле было тихо, я лежал вертикально, зажатый тюками и амортизирующими подушками самой капсулы. Шесть цифр «ноль» остановились на табло в тот момент, когда и стрелки на моих часах встретились на двенадцати.

– Аварийная отстыковка, – возвестил механический голос, и в этот момент меня ощутимо тряхнуло. Это пиропатроны отстрелили капсулу от станции, и секунд пять продол-

жалось падение в невесомости. Затем по корпусу спасательной капсулы прошла дрожь, включились маршевые двигатели, и огромная перегрузка вдавила меня в пол. На скорости девять километров в секунду капсула устремилась к земле, вращаясь вокруг своей оси.

Перегрузка продолжалась около трех минут. Потом резкий толчок и остановка вращения возвестили о выстреливших парашютах. Обычно это происходит на высоте пятнадцати километров.

Через небольшой иллюминатор в верхней части капсулы проникали солнечные лучи, которые через минуту потускнели.

«Прохожу облака», – догадался я. Еще три минуты продолжалось мягкое падение, потом капсула практически зависла в воздухе – это сработали тормозные двигатели. Спустя секунду она мягко погрузилась во что-то мягкое и заколыхалась, вызывая неприятную тошноту. С усилием дотянувшись до внутреннего затвора, открывающего люк, я провернул его три раза и, натужившись, откинул его. Внутрь ворвался свежий воздух с запахом моря. Моря?!

Подминая под себя тюки, я вскарабкался наверх, задыхаясь от напряжения. Волнуясь, я высунул голову и огляделся – со всех сторон меня окружала вода. Небольшие метровые волны несли покачивающуюся капсулу к темной полоске вдалеке.

Глава 4. Здравствуй Земля

Спасательные капсулы «Союз», разработанные еще на заре освоения космоса, отличаются удивительной надежностью. В нескольких случаях они спасли жизни экипажу во время космических стартов, успевая сработать и безопасно приземлиться. В них заложен хороший запас плавучести, четырехбалльное волнение на море они переносят хорошо, лишь переваливаясь с бока на бок.

Погрузившись почти до верхней трети в воду, капсула медленно дрейфовала по ветру, дувшему в сторону полоски земли. Остров ли это, материк или просто песчаная банка, обнажившаяся во время отлива, пока невозможно было разобрать. Чтобы не подвергать остойчивость капсулы ненужным нагрузкам, я спустился вниз.

Душа ликовала, хотелось сплясать, но не было места, и к тому же оставалась тревога – вдруг земля окажется небольшим островком? По моим расчетам, я должен был приземлиться в долине Луары, но вместо этого приводнился. Оставался вопрос – куда именно? Это море? Океан? Или большое озеро?

Несколько раз я высовывался из люка. Земля приближалась медленно, но верно. Можно было различить холмистую поверхность, однако детали различить было трудно на таком

расстоянии. Через два часа приливная волна вынесла мою «шлюпку на берег. Дно капсулы коснулось песка, и она остановилась, немного накренившись в сторону суши.

Убедившись, что капсула прочно стоит на песчаном грунте, я выбрался наверх. Спрыгнул и ушел в воду почти по плечи. Нехилая глубина у берега! Помогая руками, дошел до берега. Идти пришлось немного на подъем. Накатывающиеся сзади волны, словно торопя, подталкивали меня в спину.

Первый шаг на Земле... Отвыкшие от физических нагрузок ноги дрожали. Немного пошатываясь, я прошел метров пятнадцать. Полоска песка была неширокой, метров десять максимум, дальше она переходила в смешанную с песком полосу серой земли, наверное, с примесью глины. Вслед за ней пышно росла трава, доходившая мне до колен. На расстоянии двухсот метров начинались заросли кустарников, переходящие в лес.

Я повернулся к морю. Течение пригнало мою капсулу в уютную бухточку, слева и справа к морю подступала невысокая каменная гряда, вдававшаяся природным волнорезом в морские воды. Бухта была небольшая, на мой взгляд, расстояние между грядами было порядка семисот метров. Такая уютная небольшая бухта, где могла бы разместиться рыбацкая деревенька.

Первым делом я опорожнил мочевой пузырь, освободившись от памперса, надетого еще на МКС перед стартом. Два месяца я был лишен удовольствия слышать журчание, одно-

временно получая облегчение. Сразу после этого я за стропы вытянул парашют, такое количество прочной и легкой ткани вкуче с прочнейшими верёвками для строп нельзя было упустить. Ткань парашюта и стропы решил использовать только в случае крайней необходимости, это были невосполнимые вещи.

Прилив тем временем достиг пика, теперь вода в бухте практически не накатывала, её уровень был неизменным. На часах было три часа. Оставалось посмотреть, когда начнется отлив. Насколько он сильный и как долго продлится.

В зарослях кустарника слышались шорохи и звуки. Значит, животный мир выжил, но никакого рева или других признаков присутствия хищников пока не было. По траве и листве кустарника можно было сделать вывод, что сейчас была поздняя весна. Пару часов я сидел на песке, вдыхая чистейший воздух и испытывая головокружение. Ослабевшие мышцы после невесомости в космосе были еще слабы.

Начинало темнеть и оставаться на берегу было небезопасно. Отлив пока еще не начинался. Снова хорошенько промокнув, я добрался до капсулы и не без усилий поднялся на нее. Закрыв люк, предварительно открыв вентиляционное отверстие в нем, и при свете химического источника света поужинал.

Когда на часах было двенадцать ночи, я почувствовал еле заметную вибрацию. Высунувшись из люка, я убедился, что

моя догадка была верна – начинался отлив. Предварительно можно было сделать вывод, что прилив и отлив делят сутки примерно наполовину.

Утром я проснулся очень рано, часы показывали пять утра. Высунувшись в люк, я чуть не присвистнул – капсула стояла на песке, а само море находилось метрах в тридцати. Значит приливы и отливы здесь достаточно сильные. Первое время я мог спать в капсуле, но мокнуть, выбираясь и забираясь в нее, и ориентироваться по времени прилива и отлива, было некомфортно.

Пользуясь отливом, я перенес часть вещей на берег. Продукты брать не стал, чтобы не приманить животных. После каждой такой ходки приходилось отдыхать, свой вес казался очень большим, но здесь не было спасателей, чтобы мне помочь. Превозмогая боль в мышцах и усталость, я исправно трудился, пока не выбился из сил.

Над морем летали птицы, похожие на чаек. Несколько крупных птиц, рассмотреть которых мне удалось, тяжело взлетели с кустарника. Среди вещей в спасательных капсулах, начиная с 1976 г., неизменно находится спасательная палатка, рассчитанная на трех человек. Вначале это были отечественные палатки защитного цвета. После падения железного занавеса, палатки закупались в США, хорошие качественные, предназначенные для экстремальных экспедиций.

На границе интенсивного роста травы, оставив метр в за-

пасе, я поставил палатку, куда отправились все вещи. Вскоре усталость заставила меня прекратить работу. Пот шел с меня градом, а мышцы болезненно отзывались на каждое движение. Парашют я сложил многократно, он теперь будет моим одеялом и подушкой, пока не найду лучшего применения. Веревки я смотал в клубок: это неприкосновенный запас, который использовать буду лишь в крайнем случае.

Я съел кусочек хлеба и паштет из вакуумной упаковки. С левой стороны, почти у самой границы каменной гряды, цвет травы был сочнее и насыщеннее. Движимый догадкой, я двинулся в ту сторону, взяв с собой в качестве оружия, суковатую палку. С тихим журчанием у самой гряды тек небольшой ручей. Прорыв себе русло в песке, он, незаметный с пляжа, впадал в море.

На вид вода была кристально чистая. Зачерпнув её руками, я понюхал – запаха не было. Не удержавшись, я сделал глоток. После вторичной очищенной воды на станции, вкус был великолепен, в меру холодная и очень вкусная. Я пил, пока не почувствовал, как она плещется в желудке. По крайней мере, вопрос водоснабжения был решен. В капсуле было несколько пластиковых бутылок, а, учитывая прочность пластика, бутылки должны были прослужить долго.

Сам ручей тек в метрах двухстах от палатки, и я стал думать, не перенести ли мне палатку ближе к ручью. Но решив, что двести метров мне сходить не проблема, решил по-

ка ничего не трогать. Вынесенные вещи были в палатке, начинался прилив, лениво ползли волны, сокращая расстояние до капсулы.

Вернувшись к капсуле, я вытащил две литровые бутылки и, освободив их от вторичной очищенной воды, преодолевая усталость, сходил к ручью. Вернулся к капсуле, когда вода начала облизывать ее подножие. Не закрывая люка, я развалился отдохнуть. Все мышцы болели, словно я пробежал марафон. А ведь это всего два месяца в невесомости.

Теперь было понятно, как космонавты, пробывшие на орбите полгода и больше, даже самостоятельно вылезти не могли из капсул. А после случая посадки Леонова и Беляева в тайге, были пересмотрены многие моменты, касающиеся аварийной посадки и возможностей космонавтов при отсутствии помощи.

Я вспомнил, как нам демонстрировали спасательную операцию. Перед глазами возник образ пистолета в руках космонавтов. Память услужливо подсказала: ТП-82. Я рывком сел. Застонав и отбрасывая тюки с вещами, я начал рыться под сиденьями противоперегрузочных кресел. Рука наткнулась на какой-то предмет. Едва сдерживаясь от нетерпения, я извлек из-под груды вещей небольшой кейс размером пятьдесят на двадцать сантиметров и глубиной порядка десяти.

Щелкаю замками и поднимаю крышку. Матово блеснуло три ствола специального оружия, разработанного для космонавтов: многоцелевой трехствольный пистолет ТП-82. Под

пистолетом лежит мачете в легком чехле, под ним инструкция по использованию с тактико-техническими характеристиками.

Читаю, пока свет хороший, возможно это моё оружие выживания в этом безлюдном мире: «ТП-82 – охотничий неавтоматический трёхствольный пистолет, входящий в состав комплекса СОНАЗ (стрелковое оружие носимого аварийного запаса) советских и российских космонавтов для защиты от опасных зверей, добычи пищи охотой и подачи световых сигналов визуального наблюдения в случае приземления или приводнения в безлюдной местности, а также прокладывания пешеходной тропы в зарослях, заготовки дров и строительных материалов для шалашей, рытья канав, ям и с помощью приклада-мачете. Имеет два верхних горизонтальных гладких ствола 32-го охотничьего калибра и расположенный под ними нарезной ствол калибра 5,45 мм. В боекомплект СОНАЗ входят специально разработанные патроны калибра 5,45 мм, 32-го калибра – дробь и 32-го калибра – сигнальный».

Так мачете также есть в наличии, оно имеет широкое лезвие длиной около двадцати сантиметров, расширяющееся от рукояти, которая имеет паз. Пистолет, вставленный в этот паз, становится практически ружьем.

Читаю дальше: «В состав СОНАЗ входят: ремни и закрытая кобура, подвесной чехол для приклада-мачете, два патронташа по 5 дробовых патронов, два патронташа по 5 сиг-

нальных патронов, один патронташ на 11 пулевых патронов». Осматриваю кейс, он действительно имеет второе отделение сбоку, прикрытое наглухо фольгой. Рву фольгу и поочередно вынимаю перечисленные вещи. Патронташи уже снаряжены патронами, только одевай и заряжай. Еще имеется небольшой тубик на двадцать миллилитров с ружейным маслом. Лепота!

Переворачиваю инструкцию. Дальше идут тактико-технические характеристики патронов, способ заряжания и чистки, перевод из одного положения стрельбы в другой. Пистолет имеет два курка. Левый используется как для выстрелов из гладкого ствола, так и для выстрелов из нарезного, есть рычажок для перевода курка, спусковой крючок один. Гильзы из гладких стволов выбрасываются переламыванием ствола, а из нарезного при нажатии кнопочки. С этим разобрались.

Глаз пробегает инструкцию дальше, цепляясь за следующие характеристики: «ТП-82 имеет съемный приклад, состоящий из мачете и матерчатого чехла с металлическим затыльником, надеваемым на клинок для упора в плечо. Рукоятка мачете имеет пазы для присоединения к рукоятке пистолета и фиксируется защелкой, расположенной на рукоятке мачете. ТП-82 имеет длинное деревянное цевье, рукоятка пистолета выполнена также из дерева, а рукоятка мачете из пластмассы. Приклад обеспечивает более точную стрель-

бу, мачете используется как рубящее средство, позволяющее: прокладывать тропу в зарослях, заготавливать дрова и строительные материалы для шалашей, рыть канавы, ямы и окопы».

Ну, окопы, предположим, рыть незачем, но функциональность мачете поражает. Вытаскиваю его из ножен. Металл тускло блестит, при щелчке ногтем звук долгий, но не звонкий. Ясно, долговечность и прочность в приоритете, тупиться будет довольно быстро, но не лопнет при нагрузке.

Пробегаю глазами последний листок инструкции, где идет информация о том, что металл мачете износостоек, выдерживает колоссальные нагрузки, а пистолет всеяден и может использоваться при любых погодных условиях.

Кусочком ткани тщательно прочищаю пистолет, заряжаю и ставлю на предохранитель. В оба гладких ствола вставляю сигнальные патроны, мне здесь подавать сигналы некому, а для проверки работы обоих курков они подойдут. Дробовые патроны лучше сохранить на дичь или мелкого зверя.

Кстати, кроме снаряженных в патронташи, нахожу еще десять дробовых, и одиннадцать пулевых. Таким образом, у меня есть двадцать два усиленных пулевых патрона, десять дробовых и пять сигнальных. Не хватит для войны, но для защиты от хищников хватит на первое время. То, что я еще не видел хищников, еще не значило, что их нет. Хищникам просто нечего делать у соленой воды, их вотчина это степи и леса. Окрепну через несколько дней и осмотрюсь в окрест-

ностях, конечно взяв с собой оружие.

Теперь будущее мне казалось немного более перспективным: одежды и инструментов у меня было на много лет вперед, особенно при бережном отношении, климат довольно теплый, если зимы мягкие, то перезимовать не проблема. Если здоровье позволит, завтра надо попытаться поймать рыбу. Лески и крючка у меня не было, но что-нибудь всегда можно придумать.

Я высунулся в люк. На часах было половина четвертого. Сегодня прилив был немного слабее, до вчерашней линии он не дошел почти полметра. Завтра надо освободить капсулу от вещей, если на море поднимется серьезное волнение, не исключено, что я ее потеряю. Мысль, что капсулу можно зафиксировать, привязав тросом к одному из валунов, не пришла в голову сразу. Палатка хорошо просматривалась с капсулы. Несколько мелких пташек подлетели и уселись на крыше, крупных животных по-прежнему не было. Вероятно они просто не пережили климатических изменений.

Тело ныло, и я решил вздремнуть, чтобы отдохнули мышцы. Проснулся только ночью. Высоко в небе светила полная луна, она был вдвое больше привычной мне по жизни на земле. Атмосфера за тысячелетия настолько очистилась, что рисунок на ее поверхности был виден прекрасно. Я снова поел, подумав о том, что после двух месяцев на станции очень

хочется жидкого.

Среди вещей, что я взял со станции, был металлический цилиндр, снятый с аппарата в лабораторном модуле. Цилиндр одевался сверху, полностью закрывая небольшой, но крайне светочувствительный аппарат. Двумя защелками типа замков на чемоданах он стягивал металлический обрuch, охватывая намертво его в самом низу. Перевернутый, он вполне мог служить котелком, было бы что в нем варить.

Нужду я справил прямо в море, удивляясь при этом, что сходить по большому нет желания, уже вторые сутки. После сна чувствовал себя немного лучше, шоколадный батончик съел уже через силу. Мне нужна была энергия для скорейшего восстановления. Засыпая, я слышал, как не очень далеко трубят слон. Я пытался понять – во сне это или наяву, но уснул, так и не разобравшись.

Утром мышцы болели, но уже не так интенсивно. Люк на ночь я не закрывал. Удивило отсутствие комаров и мошкар. Я думал, что они-то могут любые изменения климата перенести.

Море снова отступило. Кряхтя, я спустился по веревочной лестнице, закрепленной внутри и предусмотрительно убираемой на ночь. Палатка была нетронута, и следов животных не было. Я сходил к ручью и напился, затем помылся по пояс. Была мысль поплавать в море, но, не зная, что там могло появиться за пару тысяч лет, я воздержался.

Сегодня после завтрака я переносил вещи в палатку. Несмотря на внушительный объем, палатка довольно быстро стала напоминать забитый вещевой склад. Пришлось инструменты и часть утвари оставить снаружи. Когда я уже почти все вытащил из капсулы, то снова полез под противоперегрузочное кресло, и рука опять наткнулась на пластиковую поверхность какого-то ящика.

Осторожно вытащив его, я обомлел – это был второй кейс, близнец вчерашнего и такой же тяжелый. Открыл и чуть не закричал от радости, идентичный вчерашней находке там поблескивал второй пистолет ТП-82. Я не стал вытаскивать его из кейса, содержимое мне уже было знакомо. Уже их любопытства я полез под третье – пусто. Под последним, четвертым креслом пальцы снова не нашли ничего.

Находка второго кейса давала мне второй пистолет с небольшим запасом патронов и второй мачете. Мачете я обрадовался больше, чем пистолету. Его ждала повседневная работа, теперь можно было не дрожать, что оно может сломаться, было запасное. Количество патронов с учетом второго кейса стало довольно солидным: одних пулевых стало под полсотни, количество патронов с дробью двадцать, не считая десятка сигнальных. При разумном подходе лет десять можно не думать о защите от хищников. В конце концов, не ходят же они стаями, ежедневно охотясь на единственного человека на планете. Разминемся как-нибудь.

Больше интересных находок не было, «рояли» на этом закончились, и не было никакого шанса, что они встретятся еще на обезлюдевшей планете. Обязательно проведу ревизию всего своего инвентаря и предметов обихода, чтобы знать, чем я располагаю. Амортизационные подушки с капсулы я решил тоже выдрать, из них можно было сделать великолепный матрас, чтобы спать. Сделать это надо через пару дней, так как работа требовала больших физических усилий. Надо будет их испытать на предмет плавучести. Может, удастся сделать плавсредство. Но все это потом, когда немного освоюсь. Захватив с собой кейс, я закрыл люк на капсуле и направился к своей палатке и вещам, чтобы все рассортировать и провести инвентаризацию.

Глава 5. Разведка и первая ночь на Земле

Остановившей перед палаткой, я стал раздумывать – провести сначала инвентаризацию или сходить в разведку? Любопытство победило. Опоясавшись самодельным матерчатым ремнем, я прицепил заряженный пистолет, который ощутимо оттягивал пояс. Надо в дальнейшем придумать систему портупей из кожи или из тросика, что имелся в наличии.

Мачете я взял в правую руку, а в левой пришлось нести бутылку с водой. До ближайших кустарников я дошел быстро. Во время пути только пара ящериц прошелестела в траве. Кустарник представлял собой неизвестное мне растение, высотой в районе двух метров с колючими шипами. Продираться по нему было самоубийством – тесно переплетенные ветви создавали непролазную путаницу.

По обе стороны бухты к самому морю спускались каменные гряды. По подножию левой гряды в море впадал ручеек, вода которого мне так понравилась. Я решил пойти дальше по правой гряде, чтобы лучше изучить границы своих владений.

Правая гряда была чуть ниже левой и более пологая. Помогаю руками, я поднялся на нее и двинулся в сторону леса,

видневшегося неподалеку. Приближаясь к лесу, гряда становилась круче, идти по ней становилось труднее. Группа деревьев оказалось лишь небольшой рощицей, имевшей в глубину не более ста метров. Рощица заканчивалась довольно крутым обрывом не менее двадцати метров.

Я остановился, зачарованный увиденным. Обрыв заканчивался на глубине примерно двадцати метров, а внизу, насколько хватало глаз, раскинулось море травы, среди которой бродили стада животных. Ближе всех ко мне оказались буйволы. Стадо голов на триста бурым пятном выделялось на фоне зеленой сочной травы. До ближайшего животного было меньше ста метров, это была самка, которую терроризировал теленок, требуя кормежки.

На расстоянии нескольких сот метров паслись антилопы, порода которых для меня определялась как съедобная. Правая гряда, по которой я прошел до самого обрыва, уходила вниз, При известной сноровке по ней можно довольно легко спуститься и подняться. Левая гряда, вдоль которой тек ручеек, наоборот расширялась и продолжалась дальше. Резко забирая в сторону и увеличиваясь в высоту, она становилась частью горной гряды, которая на расстоянии примерно пятнадцати километров, образовывала довольно большой горный массив, верхушка которого была покрыта снежной шапкой.

На равнине, покрытой стадами пасущихся животных, вид-

нелись островки деревьев. Довольно далеко от места, где я стоял, виднелась излучина реки, которая уходила за горный массив справа. Хищников я не увидел, да и стада паслись довольно спокойно, не проявляя беспокойства. Если бы умел молиться, то помолился бы искренне и неистово. После трудностей на МКС, мне удалось попасть на Землю. Точнее, я приводнился, и волны услужливо доставили меня в уютную бухточку.

Бухточка оказалось небесным даром. Защищенная с двух сторон каменной грядой, она переходила в равнину. Идеальная, защищенная со всех сторон, достаточная для проживания средних размеров общины. Вот почему за эти три неполных дня я не видел животных. Это место было изолированное и труднодоступное.

Копытным, если не считать коз и туров, было невозможно подняться по гряде, а делать это хищникам просто не было смысла, когда под боком у них были несметные стада пасущихся животных. В то же время для меня спуститься и подняться по этой гряде не составляло особого труда, Правда, для этого нужно будет несколько разработать мышцы.

Сама рощица хоть и была небольшая, но могла дать мне немало хвороста. Часто попадались сухие ветки, а на земле лежало несколько крупных высохших деревьев. Набрав на обратном пути немного хвороста, я решил, что пора разжечь костер, иначе Робинзонада будет не совсем полная. Стараясь не потерять равновесие, я вернулся по гряде обрат-

но. Надо будет проложить тропинку через кустарник, благо мачете у меня есть и даже два. Все время ходить по гряде опасно, если соскользну, можно поломать ногу или руку, а врачей здесь нет.

Подумав о врачах, вспомнил про пятнышко на фотографии. Был ли это костер или природное явление? В любом случае о том костре придется забыть, я слишком серьезно промахнулся при посадке, чтобы его искать. В моих часах был компас, но, не зная, как изменились магнитные полюса за тысячелетия, а может и десятки тысяч лет, сориентироваться в новом мире по карте старого мира не получится.

Обливаясь потом, я вернулся к палатке. Физические усилия мне давались все еще с трудом. Обычно космонавты, вернувшиеся из космоса, получали реабилитационный период от двух недель до месяца, но я не мог позволить себе такую роскошь. Сбросив вязанку хвороста рядом с палаткой, я нашел аварийный запас из спасательной капсулы. Он представлял собой герметичную водонепроницаемую пластиковую коробку в форме куба с размерами сторон по двадцать сантиметров. Кроме двухдневного сублимированного запаса продуктов, а таких коробок было четыре по числу противоперегрузочных кресел, в каждой коробке находилась упаковка соли на тридцать миллиграмм и по десять охотничьих спичек, а также рулон сухого горючего на десять таблеток.

Горючее я решил сберечь до худших времен. Собрав высушенные травинки и мелко наломав сухих веточек, я оторвал

часть инструкции из кейса и чиркнул спичкой. Огонь занялся сразу, облизывая листок и весело потрескивая на сухих веточках растопки. Я подложил ещё веточек и, когда пламя стало уверенным, я, не боясь его погасить, подкинул ещё хвороста. Белый дымок потянулся вверх, напоминая запахи из прошлой жизни.

Стараясь не обжечься, я подогрел тушеную кашу из перловки. Отыскав среди инвентаря, прихваченного со станции, вилку я осторожно, стараясь не обжечься, прикончил банку тушенки, запил её водой с бутылки и растянулся в палатке. Полуденная сиеста, у меня нет начальников, нет отчетности, и жизнь теперь будет зависеть от моих желаний. Продуктов, набранных с МКС было довольно много. После той обработки, которую они проходили, бояться, что они испортятся, не было оснований.

Вскоре мои мысли вернулись к свежей натуральной еде. Самой доступной едой мне показалась рыба, и я решил побродить по линии прилива. Сегодня вода отступила еще дальше, видимо луна убывала, надо будет посмотреть ещё ночью. Лески и крючка у меня не было, поэтому я решил попробовать острогу. Примерно за час я изготовил её из вчерашней палки, тщательно заострив конец с помощью мачете. Потом я подкинул немного хвороста в костер и обжег острие.

Зайдя в воду по колено, я терпеливо высматривал рыбу. Мелкие рыбешки смело сновали вокруг. Простояв так полчаса, я уже перестал надеяться на добычу, когда в метре

от себя заметил в воде довольно крупную рыбу. Отведя руку назад, я напряженно ждал. Рыба вильнула хвостом и, лениво разворачиваясь, подставилась под удар. Я промахнулся, лишь задев темную спинку. Второго шанса она мне не дала, исчезнув в глубине. Надо будет сделать, что-то типа вил или трезубца, тогда шанс нанизать рыбу на острие значительно возрастет.

Вернувшись к палатке, я стал сортировать свое имущество. Одежда отправлялась в палатку, где уже занял свое место кейс со вторым пистолетом и мачете. Первый пустой кейс пригодится по хозяйству. Часть утвари, импровизированный котелок, несколько пластиковых тарелок, две пластиковые кружки и вилку, столовый нож из нержавеющей стали я оставил в тамбуре. Надо будет соорудить стол, чтобы посуда не валялась на земле.

Весь инструмент, а также барашковые винты, несколько карабинов, три бухты тонкого крепкого троса длиной по пятьдесят метров я оставил снаружи. При виде троса, вспомнил про капсулу: привязав один конец к капсуле, вторым обвязав вокруг валуна, теперь можно не беспокоиться, что ее унесет волнами.

Кроме кроссовок, в которые я был обут, у меня была запасная пара и две пары мягких домашних тапочек, нечто среднее между обувью борцов – борцовками и обувью балерин – пуантами, специально сделанных для передвижения внутри станции. Подобно чулку они надевались на но-

ги, плотно обхватывая лодыжки. Материал был очень мягкий, но невероятно износостойкий – все же нанотехнологии. Из одежды было пять пар трусов и маек, спортивный костюм, хлопковый пижамный костюм две пары, в котором обычно спали и два толстых флисовых костюма, одеваемых под скафандры, несколько пар носков, носовые платки. Погода здесь стояла очень теплая, но в то же время не душная.

Смотрим что еще захватил с МКС. Записной блокнот, специальная ручка для космоса и два карандаша. Два тюбика зубной пасты, два куска мыла. Мыло использовалось для обработки шлюзовых поверхностей, а для гигиены был ультразвуковой очиститель, который остался на МКС. В кейсы с инструментами не заглянул, пока не было необходимости, просто отложил их в сторону.

В самой капсуле ещё оставался запас сублимированной пищи. Также можно было разобрать внутренние компоненты капсулы, жаль, что кресло не вытащить. А разобрать и собрать его моими силами и умением вряд ли получится. Изнутри кабина была обита очень плотной крепкой тканью, вместе с амортизаторными подушками, она мне очень пригодится в дальнейшем.

Теперь стоило подумать о том, как жить дальше – мясо у меня под боком гуляет, только стреляй. Но без умения его хранить это просто бессмысленное убийство. Океан также под носом, надо только научиться ловить рыбу. Несколь-

ко мелких рыбешек, не успевших уйти с отливом, лежало на песке. А что если выкопать в песке яму, чтобы в ней осталась рыба, во время отлива? Эта мысль показалась мне здравой. Завтра, когда будет отлив, попробую.

Часа два я провозился в капсуле, отдирая при помощи мачете обивку и подушки. Работа шла медленно, ткань была такой прочной, что все время приходилось использовать мачете. Упаковки с продуктами питания мешали принять устойчивое положение, поэтому мне приходилось корячиться на креслах. Я сумел освободить больше трети материала и немного подушек, которых могло хватить на один матрас.

Вода еще не отступила от капсулы, поэтому мочить будущий матрас я не стал. Вернусь за ним ночью. По пояс в воде я попер на берег. Костер уже погас, но угли были еще горячие, и я раздул их. Взяв мачете в руки, я подошел к кустарнику. Это была настоящая «путанка» наподобие той, которую пускают по периметру в тюремных лагерях или режимных объектах. Вначале я думал, что имея мачете, быстро справлюсь, но реальность оказалась куда хуже. Ветки амортизировали, цеплялись за одежду, несколько раз я оцарапал руку до крови. Результат был малоутешительным, три куста никак нельзя было назвать победой.

Вначале я хотел бросить их в огонь, но растения были сырые и, глядя на мощные шипы с загнутыми краями, я придумал кое что получше. Если огородить пространство вокруг палатки такой защитой, то можно не беспокоиться о непро-

шенных гостях. Еще два часа я, исходя потом, махал мачете. Было срублено около десятка кустов, после чего в чаще появилась тропа шириной в метра полтора и глубиной около пяти.

Начинало вечереть, снова разогрел себе кашу с тушенкой и поужинал. Очень хотелось чая или кофе, но с их отсутствием придется мириться, если случайно не найду чего-то подходящего среди местной флоры.

Разомлев после еды, я попытался определить, где я могу находиться территориально. На ум приходило несколько вариантов. Я точно промахнулся мимо Франции. С учетом траектории движения станции, попасть в Атлантический океан я тоже не мог. То, что это было Средиземное море, практически не было сомнений. Только, вот, в какой стороне меня прибило? В какую сторону были волны и ветер? Определить стороны света – пара пустяков. Если ты знаешь где находишься, то и карту мира несложно представить.

Часы у меня работали, они были настроены по московскому времени, и завтра в полдень я постараюсь определить примерную долготу. А сегодня ночью я смогу узнать широту, если не будет туч. Еще в шестом классе, читая «Таинственный остров» Жюль Верна, я повторил действия инженера из той книги, когда он, попав на остров, подручными средствами определил его координаты. Широта в Северном полушарии определяется очень просто: высота Полярной Звез-

ды над горизонтом в градусах, примерно соответствует широте местности в месте наблюдения. Сомнений, что я нахожусь в северных широтах не было никаких. Никакими тропиками и субтропиками не пахло ни по виду растительности, ни по температуре воздуха.

Пришла ночь, и вскоре я без труда отыскал искомую звезду. Мысленно нарисовав острый угол, я провел воображаемую линию на Полярную Звезду. Получалось примерно нижняя треть, возможно чуть выше. Хорошо, прием для сведения, что ориентировочная широта местности от 35 до 38 градусов северной широты. Если ориентироваться по Средиземному морю, это широта части Италии, Испании, островов в эгейском море, Кипра, Турции.

Проведя два года в Центре подготовки космонавтов и два месяца на орбите, где на дисплее двадцать четыре часа в сутки отражается карта планеты и систематически на нее ставятся индикаторы траектории станции, трудно было не запомнить карту по координатам.

Начался отлив, вода уходила, обнажая дно, а вслед отступающей воде убегали маленькие крабы. Изрядно помучавшись, я поймал около десятка, набирая их в свою «кастрюльку». Чтобы крабы не передохли раньше времени, я набрал немного воды и поставил «кастрюльку» рядом с потухшим костром.

Необходимо было придумать, как добывать огонь. Зажи-

галки у меня не было, а запас охотничьих спичек был ограничен. Добывать огонь трением – заведомо гиблая затея. Наши предки к этому умению пришли за тысячи лет, подбирая разные виды древесины. Завтра надо поискать на каменных осыпях, что ограждают мою бухту разные камни, может, найду сочетание, дающее искру. Вот если бы у меня была пара лишних часов, то как герой Жюль Верна я сделал бы увеличительное стекло, слепив стекла глиной и залив их водой.

Стоп, какой я идиот в самом деле! У меня есть капсула, которая, по сути, является космическим кораблём. И там есть встроенные камеры, а камера всегда имеет линзу! Если бы не глубокая ночь, то прямо сейчас я полез бы в капсулу искать и разбирать камеру.

На ночь я устроился в палатке на подушках, выдранных из капсулы. Это было блаженство – вытянуть ноги и спать, не боясь, что провалишься между креслами.

Позавтракав спецпайком космонавтов я сбегал к капсуле. Снаружи ничего не нашел, даже обойдя её три раза. Внутри, рядом с дисплеем для вывода данных телеметрии и других показателей, прямо у стены была небольшая трубка с мягким наглазником. Видимость была плохая, но часть моря было видно. Высокие температуры при прохождении атмосферы, наложили копоть или просто испортили линзу. В сердцах я схватился за трубку и дернул. Под обшивкой, которую я еще не успел снять, явно прослеживалось движение.

Что это? Подогреваемый любопытством, я освободил часть обшивки. Сегодня работа давалась легче, чем вчера. Трубка, согнувшись под углом девяносто градусов, шла в самый верх капсулы. Принцип перископа! Мысль не успела еще до конца сформироваться, как я уже начал расшатывать трубу. Алюминиевая труба подалась и через пять минут я смог ее разворотить, перекрутив в месте ее входа в купол капсулы. С куском трубы диаметром около пяти сантиметров я помчался на берег.

При помощи инструментов, сорвав кожу с большого пальца левой руки, я развернул алюминиевую оболочку. Все мои старания были вознаграждены. Примерно в середине трубы, установленное в специальный паз, блеснуло небольшое двояковыпуклое стекло. Линза! Теперь я был готов покорять этот новый старый мир!

На моих часах было около двенадцати, и я чуть не пропустил время полудня, когда мне нужно было определять долготу. Я воткнул в песок сухой прутик, второй же воткнул к концу отбрасываемой тени. Через полчаса тень заметно укоротилась, и я переставил вторую палочку. Так пришлось переставлять прутики три раза, пока тень не стала снова удлиняться.

Значит, полдень здесь приходился на тринадцать часов по московскому времени. Разница в час. Москва лежит на тридцать седьмой восточной долготе. Разница в часовой

пояс это пятнадцать градусов. Суммируем. Получается, что я нахожусь примерно между 35 и 38 градусами северной широты и примерно между 26 и 28 градусами восточной долготы. На ум сразу пришли Кипр, Родос и более вероятное – юго-восточное побережье бывшей Турции. Единственное, что смущало – это цвет и прозрачность воды, дно было видно в мельчайших деталях.

Глава 6. Первая рыбалка и проблема соли

Определив примерные координаты, я перевел стрелки на два часа назад, чтобы световой день соответствовал цифровой разбивке на часах. Начинался прилив, и надо было спешить. Ускоренными темпами я рыл продолговатую яму в песке, возводя бруствер со стороны наступающей воды. Вода, конечно, его размочит, но оставалась надежда, что не до конца. Когда вода подобралась к моим ногам, у меня уже была готова неплохая яма в песке для зазевавшихся во время отлива рыб. Около тридцати сантиметров в глубину, метр в ширину и больше двух метров в длину. Теперь только оставалось ждать отлива и подобрать улов, если он будет.

Желание отведать свежего мяса я переборол, отложив охоту на потом. Жалко было убивать огромное животное, чтобы съесть пару кусочков мяса. В любом случае мне надо было решать проблему добычи соли. Она была нужна для того, чтобы солить пищу, для засолки рыбы и повышения срока сохранности мяса. Соли в морской воде всегда предостаточно, а самый лёгкий способ ее получения в моей ситуации – это выпаривание. Процесс, конечно, трудоемкий, он требует постоянного огня, но ждать пока образуются солон-

чаки, я не мог в силу ограниченности срока жизни человека.

Опять по каменной насыпи я сходил в рощу, чтобы срубить стойки-рогатины для своего «котелка». Перекладину можно было выбрать среди инструментов. Я нашел молодую поросль и срубил две ветви. Обрубив место разветвления, я получил рогатульки.

Конечно, сразу мне в голову пришла идея с луком. Но даже когда читал книги про попаданцев, которые на коленке мастерили лук и стреляли насмерть за сто метров, то в душе смеялся. Можно, правда, смастерить пародию на лук, даже добиться бреющего полета метров на семьдесят. Но, где взять наконечники, как сделать правильно оперение и как добиться убойности от лука? Жаль, что рядом сейчас нет этих горе-писателей, посмотрел бы я на творение их рук.

Прошли тысячи лет, прежде чем лук стал смертельным оружием. Знания и секреты передавались по наследству, и луки как реальное оружие стали таковыми после многих сотен лет проб и ошибок. Сотворить такое оружие мне не под силу – это факт. Другое дело дротик или копье – это куда реальнее.

Вбив опоры для костра, я сходил и принес полкотелка морской воды. Потом я повесил котел и разжег огонь, используя линзу. Не так быстро как спичкой, но несколько минут спустя сухая береста занялась, после чего подложил немного хвороста. Буду доливать воду по мере выпаривания.

Я снова начал рубить кустарник, сегодня работа шла лучше, я начал привыкать к силе тяжести планеты и учитывать вчерашние ошибки. Срубленные шипастые кусты я начал выкладывать вокруг палатки на отдалении примерно пяти метров, чтобы оставить внутри необходимую площадь передвижения.

Скоро я почувствовал голод и перекусил. До этого я постоянно доливал воду в котелок и подбрасывал хворост, который принес во время рубки рогатулк. За хворостом пришлось сходить еще раз, он таял стремительно. Ближе к вечеру мне удалось прорубить коридор в чаще на две трети ширины. Завтра тропа будет готова и поход за хворостом станет легкой прогулкой.

В котелке уже выпаривалась шестая порция воды, когда я решил на сегодня прекратить и посмотреть, что получилось. Ужинал я уже при свете угасающего костра. Отлив еще не начинался, но ждать оставалось недолго. Что удивительно, комаров не было. А, может, они вымерли или место без живности их не привлекало. Думая о методах сохранить мясо и рыбу, я пришел к выводу, что надо его вялить или, проще говоря, сушить его на солнце. Кабеля и веревок у меня есть с избытком, надо просто развесить куски мяса и рыбы, предварительно натерев его солью, чтобы избежать гниения.

Начался отлив, и я в нетерпении подошел к своей ловушке. Уровень воды был еще высок, и испуганная рыба могла просто уплыть. Через час море отступило на три метра,

и граница воды оказалась лишь на два метра ближе моей ловушки. Я решил немного подождать. Через полчаса было слышно, что рыба в ловушке есть. Бруствер, воздвигнутый мной из песка, размыло серьезно, но оставшаяся часть не давала двум рыбакам уплыть в море.

Мощные удары хвостами не помогли рыбам, и еще через полчаса я стал рыбаком, поймавшим две неизвестные рыбы в локоть длиной. Одна была хищная, ее пасть усеивали мелкие острые зубы, а вторая внешне была похожа на скумбрию, только смущало наличие чешуи.

Я оставил их в ловушке, деваться им было некуда, вода оттуда почти вся всосалась и ушла, сгладив бруствер и края. Было уже поздно, сильно давила усталость, пришлось отложить разделку на завтра. В котелке еще оставалась часть не выпаренной воды. Я вылил её, а котелок поставил на еще теплые угли. Завтра соскребу осадок и узнаю, сколько неочищенной соли я получил.

Утром я проснулся рано, это становилось уже нормой. В дикой природе нельзя щелкать клювом. Бегу к своей вчерашней добыче – обе рыбыны на месте. Теперь при свете дня я могу почти уверенно сказать, что одна из них – скумбрия. Только почему на ней есть чешуйки? Не сплошь, но брюшко прикрывают солидно. Вторая – точно хищная рыба, даже не знаю можно ли ее принимать в пищу. Со скумбрией возвращаюсь к палатке, где вскрываю ей брюшко и пальцами втаскиваю внутренности. Скоблю мачете, снимая чешую,

отрезаю плавники и голову. В ручье тщательно всё промываю и возвращаюсь обратно.

Отложив рыбу, беру котелок. Примерно до середины по стенкам котелка и на дне образовалась кристаллообразная накипь светло-серого цвета. Пробую кристалл на вкус – соль, только немного горчит. Ушками гайки, выбранной среди инструментов, долго и кропотливо скоблю стенки и дно котелка. Отставшие кристаллы ссыпаю в консервную банку из-под каши с мясом. Получилось почти полная банка. Банка вмещает двести пятьдесят граммов каши, соль, наверное, плотнее. Буду считать, что банка – это двести пятьдесят граммов соли, чтобы удобнее было считать. Вместе с моим запасом соли из НЗ капсулы, это около четырехсот граммов.

Хотя соль называют «белой смертью», отсутствие ее в рационе вызывает серьезные трудности. Начиная от проблем работы сердца, заканчивая возможным обезвоживанием при кишечных отравлениях. Бегу к ручью и прополаскиваю котелок. Все равно на стенках осталась соль. Не хотелось бы пересолить первый рыбный суп или, скорее, отварную рыбу. Её приходится делить на три части, чтобы она поместилась в котелке и могла хорошо провариться. Через полчаса я вытаскиваю первый кусок на пластиковую тарелку. От нее идет божественный запах и пар, дразнящий ноздри. Не дожидаясь остывания, обжигаясь, я глотаю кусок за куском. Ничего вкуснее в своей жизни я не ел!

Несмотря на весну, скумбрия очень жирная – обычно жир рыба набирает ближе к осени. Толстый слой темного жирного мяса идёт вдоль хребта. «Вот тебе и Омега-3», – крутится в голове. Будет отличная профилактика атеросклероза. Второй кусок последовал за первым. Рыба была немного пересолена, но есть можно. Доел, уже чувствуя, что насытился дальше некуда. Третью часть оставил на обед. Сходил к ловушке и притащил вторую рыбу. Эту попробую вялить. Съем кусочек, когда она провялится. На следующий день по ощущениям организма будет ясно – опасна она или нет.

Намучавшись с чешуей, я выпотрошил вторую рыбу. Чешуя, похожая на крупные роговые пластинки, никак не желала удаляться. Я плюнул на это дело, промыл рыбину и смазал солью. Потом вставил распорки, чтобы боковинки не соприкасались и лучше вентилировались. За неимением иного места, я подвесил рыбу в тамбуре палатки.

Затем я снова приступил к рубке коридора в кустарнике. Закончил в обед. Руки так болели, что мачете пришлось попеременно переключать из руки в руку. Зато теперь у меня был прямой коридор в рощицу шириной в метр. Срубленных кустарников не хватило, чтобы полностью закрыть изгородь вокруг моего жилища, поэтому пришлось дорубить несколько кустов. В периметре я оставил проход, который решил на ночь закрывать большим кустом. Чтобы не ранить руки его нижнюю часть я очистил от шипов.

Теперь я чувствовал себя в большей безопасности, чем

раньше. Вряд ли хищник поднимется по узкой гряде, чтобы, пройдя по коридору напасть на человека за изгородью. В конце концов, звери не люди, они убивают лишь для пропитания, а не для забавы.

Вспомнив о людях, я погрустнел. Где они теперь, на какой планете устроились? Что стало с моими родителями и друзьями, с теми, кого я знал? Они, конечно, умерли очень давно. Но как они прожили, как перенесли информацию об исчезновении МКС с орбиты? Были ли поиски? Ведь, анализируя данные телеметрии, никто, наверное, просто не понял, что произошло? В ЦУПе и в Хьюстоне, скорее всего, решили, что станция расплылась на атомы. Но причину этого, наверное, так не смогли установить.

Чуть позже надо принести побольше хвороста, чтобы продолжить выпаривание соли и присмотреть себе копыя. Пожалуй, сделаю пару штук и пару дротикиков. Но без стального наконечника, это так себе оружие. Металл у меня был в избытке, даже такого качества, который никому из попаданцев и не снился. Одна капсула – это, пожалуй, несколько тонн высоколегированной стали с титаном и с секретными добавками. Всё это выдерживает столкновение с камнями в космосе на скорости восемьдесят тысяч километров в час. Только переплавить его было нереально.

Это только в книгах легко сооружают доморощенную кузницу и через пару дней у героя уже есть булатные ножи, превосходящие по параметрам лучшие ножи современного ми-

ра. Получить температуру, способную плавить металл в полевых условиях – это из области фантастики.

Надо искать другой вариант. Конечно, можно обжечь острия копий и дротиков или попробовать насадить острый камень, но все это до первого удара. Потом острие или затупится, или просто отлетит. Обычной дубинкой много не повоюешь против крупного зверя. Вот, хоть убейте меня, не верю, что древние охотники копьями убивали мамонтов. Они ему кожу проткнуть не смогут, не то чтобы нанести серьезную рану. Эти палеонтологи тоже хороши, вешают лапшу людям. Свидетели их вранья давно почили, вот и несут всякую чушь. Про одного я даже читал, что он черепа современных людей состаривал, удалял пару фрагментов и выдавал за доисторические. Но с развитием технологий его ложь всплыла.

Я вытащил мачете и проверил остроту режущей кромки. На палец – острая, сколов и замятин нет. То, что делалось в СССР, делалось на совесть, а отношение к космической отрасли было чуть ли не благоговейное.

Надо выпарить побольше соли и сходить на охоту. Я представил себе скворчащее на сковороде мясо, и у меня потекли слюнки. В роли сковороды мог выступить мой котелок с его идеально плоским дном, Надо просто растопить немного жира и жарь себе в удовольствие. Удивительно, как много новых навыков у меня появилось! Никогда не готовил, а уже рассуждаю, как заправский повар. Голода не было, но я

решил съесть оставшийся кусок рыбы. Пообедав, я немного углубил вчерашнюю ловушку, снова подняв бруствер из песка.

После этого я продолжил работу в капсуле по сдиранию обшивки. Материал был очень плотный, думаю, он еще не раз пригодится. Панель дисплея мешала работать, и я с большим трудом вырвал ее. От нее в стене тянулся вниз какой-то провод и скрывался в полу. С трудом протащив туда руку, я нащупал что-то угловатое и теплое.

«Аккумулятор»? – подумал я. Скорее всего, именно он там и находится. Капсула не снабжена солнечными панелями, но что-то же питало дисплей? Его надо вытащить, там есть кислота и свинец. Если подумать, то им можно найти применение.

Когда я вылез наверх, вода уже дошла до моей ловушки. Снова пришлось топтать по колено в воде. Сила прилива ослабевала. Наверное, это было связано с убывающей луной, потерявшей уже четверть диска. До ужина я сделал три ходки за хворостом. Во время третьей ходки я собирал его ближе к каменной гряде, у подножья которого тек ручей. Мне показалось, что среди каменных глыб есть дыра. Но лезть наверх с хворостом мне не хотелось, а бросать такую кучу и собирать её заново было лень. Я решил вернуться завтра и проверить всё на месте.

Я не удержался, чтобы не выйти на край обрыва и посмот-

реть на долину в лучах заходящего солнца. Вблизи животных не было, но вдали виднелись целые стада. Лучи солнца слепили глаза, не давая внимательно присмотреться.

Выпаривать соль на ночь глядя я не стал. Процесс это долгий, к тому же не мешало еще натаскать хвороста. Неотложных дел не было, после варки рыбы в котелке была вода, ещё бы пару ингредиентов из зелени и был бы прекрасный суп. Я попробовал её на вкус. Вода, отдающая рыбой... Совсем невкусно. Или просто я не проголодался. Чтобы разнообразить рацион я закончил ужин тубиком «щи с квашеной капустой».

Мягко опустилась ночь. Странно было не слышать пения цикад и жужжания комаров. Воздух, насыщенный ароматами трав и солью с моря, просто пьянил. Впрочем, может, виной тому было повышенное содержание кислорода. Заткнув кустом брешь в колючей изгороди, я даже не стал закрывать полог палатки на замок. Ночи становились теплее, и я, потев, спал в одежде.

Дважды я купался в море. Не доверяя морским обитателям, я старался не заходить глубже пояса. Неизвестно какие виды опасности таились в воде. Приятно было, что я пока не видел змей, перед которыми испытывал необъяснимый страх, видимо переданный через тысячелетия нашими предками.

Ночью мне приснился Михаил, глядящий на меня обвиняющим взглядом. Я проснулся в поту и вышел из палатки.

Был отлив, море отступило на несколько метров. Но в ловушке, видимо, была рыба, потому что оттуда слышался плеск воды. Я уже хотел спуститься и посмотреть на ловушку, когда звук, долетевший до меня, заставил замереть от страха. Это был львиный рык! В тишине ночи он слышался прекрасно. В два прыжка я вернулся в палатку. Схватив пистолет, я переломил стволы и убедился, что патроны на месте.

Рык повторился, но уже немного слабее. Определить, откуда он исходит, я не мог. Рык мог идти с долины, но мог и из-за каменной гряды тоже. Я был уже целую неделю на Земле, но не удосужился подняться на самый верх гряды, чтобы посмотреть, что там находится. Обе гряды вдавались в море, но что если с другой стороны они более легкодоступны? Раньше их высота примерно в пятьдесят метров мне казалась достаточной. Но сейчас, услышав рык льва, я засомневался в этом. Со стороны долины хищники вряд ли полезут, одна гряда была вообще неприступна, а вторая уходила в долину метров на сто и там рассыпалась валунами. Зачем хищнику лезть на скалы, рискуя сорваться и получить травму?

Целый час я просидел внутри своей изгороди, не рискуя выйти наружу. Ведь у меня нет ночного зрения, как у хищников. Может быть, они ждут, пока добыча выйдет к ним? Я-то в темноте их не вижу.

На рассвете, убедившись, что никто меня не подстерегает

в засаде, я, не выпуская пистолета из рук, полез на каменную гряду. Правую сторону, там, где тек ручей, я решил обследовать позже, так как она была значительно выше. Лезть на скалы, когда под ногами осыпаются камни, а одна рука занята пистолетом, было довольно трудно. Наконец я достиг верхушки гребня и выпрямился.

– Твою мать, – невольно вырвалось у меня.

Эта часть долины была ниже моря. Сотнями лет вода затапливала низину, превратив огромный участок побережья в белое поле соли. То, что это соль не было сомнений. У края соляного поля виделось несколько животных похожих на коз, облизывавших языком белый песок.

Полусъеденный труп какого-то травоядного объяснил ночной рык – я пропустил ночную охоту, и слышал рык зверя уже после его обильной трапезы. Теперь у меня соли было, хоть жопой ешь. Имелась только одна проблема. Как ее переносить через эту гряду, которая со стороны соляного моря казалась неприступной? Самым логичным вариантом было обогнуть гряду, входившую в море метров на двадцать. Самая широкая ее часть была не больше ста метров. Сто метров водного пути до соли и сто метров обратно. Оставалось придумать, на чем можно безопасно проделать этот путь.

Глава 7. Каботажное плавание

Каботажное плавание-это плавание преимущественно между портами одного государства или в прибрежной зоне. Прежде чем люди стали совершать переходы между материками или островами прошло много времени. Первые попытки плавания, как правило, были на недалекие расстояния и в видимости береговой линии.

Мне предстояло такое каботажное плавание. Я решил выйти в море на примерно пятьдесят метров, обогнуть мыс и причалить к берегу. Нагрузиться солью и тем же путем вернуться назад. Плавать я умел, но не хотелось рисковать, плавая в незнакомых водах. Да и смысла в таком плавании не было, если не возвращаться с солью. Конечно, можно было набрать соли в герметичный мешок и закинуть его на спину, но я не суперпловец, чтобы уверенно плыть среди возможных хищников с грузом на спине. И второе – много ли привезешь с собой таким путем? Ну, пару килограммов, при моей потребности в десятки. Мне нужно было плавсредство. Жаль, что в капсуле не предусмотрена резиновая лодка. Она была в первых моделях спасательных капсул, но риск приводнения космонавтов был практически исключен. Кроме того сама капсула могла держаться на воде практически бесконечно, что исключало необходимость лодки.

Мне нужно было собрать плот. Я вспомнил про поваленные деревья в рощице. Если их перетащить на берег и связать между собой, то реально сделать небольшой плот. Для путешествий он не годится, но пару сотен метров туда и обратно он может продержаться, не развалившись.

После ночного рыка и штурма каменной гряды я совсем забыл о своей ловушке. То, что на дне ловушки лежит рыба, было хорошо видно с моего места. Спускаться было тяжелее. Ноги норовили разъехаться, и приходилось прилагать все силы, чтобы не покатиться вниз кратчайшим путем. Рыба в ловушке была всего одна, такой же хищник, как и вчера. Если в этой бухте так часто ловятся хищники, то понятно, почему я видел совсем мало рыб в прозрачной воде. Я вытащил рыбу, распотрошил и, промыв, призадумался. Вчерашняя рыба, подвешенная к тамбуру, не изменила цвет и была сырой, место плохо продувалось и почти половину дня на него не попадали солнечные лучи.

До постройки плота следовало решить проблему с вялением рыбы. Взяв мачете, я пошел по тропе в рощицу. Несколькими ударами я срубил пару молодых деревьев, обрубил верхушку и удалил боковые ветви. Получилось две хорошие жерди около трех метров в длину.

Уже собираясь обратно, я вспомнил, что вчера у подножья правой гряды заметил дыры, похожие на входы в пещеру. Найдя то место, я увидел, что среди крупных камней действительно зияло черное пятно пещеры или логова округлой

формы. Оно было больше метра в высоту и в поперечнике. Тоненькая струйка воды выбегала из чрева пещеры и через три метра впадала в ручеек у моих ног. Я попробовал воду на вкус. Она была ледяная.

Лезть в темноту без освещения я не стал. Вернувшись к палатке, я привязал один конец тонкого троса к верхушке жерди и воткнул ее в песок примерно на полметра. Верхушка второй жерди представляла собой рогульку, через которую, как по шкиву скользил тросик. Тросик я не стал резать, рассудив, что чем он длиннее, тем больше было вариантов использовать его в дальнейшем. Тросы были сделаны для работы в космосе и могли выдерживать колоссальные нагрузки. Я решил пока не трогать веревки от строп парашюта и саму ткань, пусть это будет НЗ на черный день. Подвесив обе рыбы на трос, я натянул его через рогульку второй вбитой жерди и зафиксировал у основания жерди. Теперь обе рыбы висели на солнце на высоте двух с половиной метров и хорошо продувались.

Факела у меня не было, поэтому я просто подождал, пока хорошо разгорится толстая палка с раздвоенным концом. С таким самодельным освещением в одной руке и с пистолетом в другой, я полез в темноту. Внутри пещера была чуть шире и выше, можно было даже выпрямиться. Осторожно смотря себе под ноги и над головой, я двинулся вперед по относительно ровной поверхности с небольшим подь-

емом. Метров через тридцать, когда уже я подумывал вернуться назад, пещера расширилась, и я попал во вторую пещеру, где чувствовался осязаемый холод.

Поднимая свой факел вверх, я постарался внимательно осмотреться. До противоположной стены и потолка свет факела не достигал, но прямо передо мной он выхватил из мрака белую стену с синеватым отливом. Уже понимая, что вижу, я потрогал стену рукой. Передо мной была пещера заполненная льдом. Капли стаявшего льда, с еле слышным звуком собирались в тоненькую струйку ручейка, который сбегал по коридору и впадал в ручеек снаружи.

«Если этот лед не тает полностью за летний период, то я получил неплохой холодильник», – подумал я. Теперь с учетом соли и ледника, вопрос хранения продуктов становился меньшей из моих проблем.

Покинув пещеру и пообещав себе осмотреть ее как следует после постройки плота, я нашел те самые поваленные деревья. Они были сухие, но не пересушенные, так как находились в тени соседних деревьев. Мачете с мягким звуком выбивало щепу. Около часа я потратил, чтобы перерубить один ствол. Потом, обливаясь потом, я потащил его в лагерь. Мешало бившее по ногам мачете и пистолет за поясом. За второй половинкой бревна я пошел уже налегке. Когда я притащил бревно в лагерь, было уже время обеда. Пообедав готовыми продуктами, я на десерт выдавил немного меда из вакуумной упаковки. Для восстановления сил углеводы – са-

мое эффективное средство.

Второе бревно я разрубил и притащил к лагерю уже почти в сумерках. Нужно было еще как минимум два бревна. Там еще оставалась пара поваленных деревьев, но они лежали почти у самого обрыва. После завтрака снова занимался транспортировкой бревен. Теперь у меня было шесть кусков длиной от трех до четырех метров.

Бревна я откатил к линии прибоя. Оставалось их связать и, пользуясь приливом, спустить на воду. Вязать брёвна я решил тросиком. После часового мучения с перекатыванием бревен получился плот длиной под четыре метра и шириной больше метра. Бревна я связал, пропуская трос по очереди то сверху, то снизу бревна. Дойдя до крайнего бревна, я вернулся, пропуская трос уже в обратном порядке. Натянув его, я зафиксировал трос со свободным концом. Протянув трос по длине крайнего бревна, я снова повторил вязку уже на вторых концах бревен, после чего снова зафиксировал. После этого у меня осталось порядка двадцати метров свободного тросика. Им можно будет привязать плот к валуну, чтобы отлив не унес его в море.

Занятый плотом, я проморгал время прилива и не успел привести в готовность ловушку в песке. Вода размывала края ловушки, поэтому после отлива ее приходилось каждый раз восстанавливать. Через полчаса мой плот уже покачивался на волнах, задевая днищем песок. Дождавшись по-

ка уровень воды поднимется выше, я взобрался на плот. Он немного просел, но смог бы выдержать вес еще двоих таких, как я. Преодолевая течение прилива и гребя руками, я повел плот в сторону моря к остро торчащему валуну. Его верхушка оставалась над водой вовремя прилива, а во время отлива только нижняя треть скалы оказывалась в воде.

Доплыв до валуна, я из свободного троса сделал петлю и накинул её на валун сверху. Убедившись, что петля не сорвется, я прыгнул в воду и поплыл на берег.

Плыть за солью я решил утром, когда отлив максимально уменьшит расстояние водного пути до соли. Плот покачивался на воде, прилив нес его в сторону берега, но трос держал хорошо, поэтому беспокоиться было не о чем. Следовало позаботиться о весле, так как грести руками было не очень удобно. Кроме того я планировал взять с собой на всякий случай пистолет.

Побродив в рощице около получаса, я наткнулся на искомое. Молодое дерево упало под весом падающего старого, и ствол его раскололся на длину около двух метров. Ударом мачете я вырубил более плоскую сторону расколовшегося ствола длиной в метр. Затем стесал более узкий конец, чтобы его было удобно держать в руках.

Вернувшись, я начал готовить емкости для соли. В наличии у меня был котелок, куда могло вместиться примерно три килограмма, и герметичный мешок из плотного матери-

ала, в котором доставлялась еда на МКС. Эти освобожденные от еды мешки потом использовались для сбора мусора. Мешок стягивался веревкой по типу армейского вещмешка, затем двумя клапанами на липучках закрывался крест-накрест. Таких мешков у меня было несколько, но свободных было всего два. Остальные еще находились с продуктами в капсуле. Мешок вмещал примерно десять килограммов, поэтому с учетом моего котелка я могу привезти за рейс около двадцати килограммов соли.

Оставшееся время решил посвятить аккумулятору в капсуле. Чтобы не разлить кислоту, его надо было достать, не разбив. На первый взгляд задача казалось непосильной – аккумулятор находился в нише, над которой были железные перекладины на саморезах. На перекладинах, в свою очередь, крепились стойки одного противоперегрузочного кресла. Отвертки среди инструментов не нашлось, хотя на станции они были. Проклиная себя за рассеянность и скорчившись в три погибели, я полчаса выковыривал саморезы кресла. Используя мачете, я дважды поранил руки. После кресла работа пошла быстрее, доступ к перекладинам был свободный. Увидев аккумулятор, я присвистнул – он казался неподъемным. Вытащить его из ниши я смог, но поднять до люка и вытащить торцом сил не хватало. Я решил завтра после поездки за солью использовать веревки от строп или трос, чтобы вытащить аккумулятор наверх из капсулы.

Плот покачивался на воде, рыба висела на просушке,

а мои руки покрылись мелкими порезами. Как рачительный хозяин я обвел взглядом своё «поместье». Надо было ужинать и отдохнуть. Слишком много планов, а продвижение идет очень медленно. Одна задача перекрывала другую, порой я не понимал с чего начать и что является приоритетом. У меня была пещера со льдом, где я планировал устроить ледник. Был плот, чтобы сплавить за солью. Стада животных бродили в долине, а я до сих пор не попробовал свежатинки. Нужно было еще продумать, как перенести мясо через скалы.

Будь со мной напарник, работа шла бы куда быстрее. Я вспомнил нелепую смерть Михаила, и меня пробрало зло – решил геройствовать, отстегнув трос. Инструкции категорически это запрещали, а он их нарушил дважды. Михаил знал, что в обоих скафандрах было мало кислорода, но, не заправив скафандр, он вышел в космос и отстегнул трос. Я спешил на помощь тоже с минимальным запасом кислорода, у меня просто не было времени заправить скафандр, и я сам чуть не погиб по его вине и самонадеянности.

Ужинал я всухомятку. Солнце уже зашло, а тратить спичку на костер было жалко. Я чутко вслушивался, но никаких львиных или иных рыков не было. Так я незаметно уснул.

Утром первым делом я глянул на плот. Часть его находилась в воде, но судя по всему, плот цеплял песок. Это было хорошо, так как значительно уменьшался водный путь.

Вернувшись, я смогу подтянуть плот до острого куска скалы, торчащей у подножия гряды. Чтобы не терять времени, я быстро позавтракал. Ёмкости под соль были приготовлены еще вчера.

Схватив весло и мешки с кастрюлей, с пистолетом за поясом, я спустился к воде. Положив вещи на плот, я снял петлю с валуна. Освобожденный плот закачался на воде и стал отплывать в море. Смотав трос, я осторожно взобрался на плот. При этом всё же пришлось намочить ноги. Подгребая веслом, я не мешал плоту. Через некоторое время он достиг оконечности мыса, вдававшегося в море. Отсюда до моей палатки получалось больше ста метров.

Стоя на плоту на коленях и расставив ноги для устойчивости, я начинаю плыть вправо, чтобы обогнуть скалу. Плот движется медленно, приходится корректировать курс, плот тянет влево в открытое море. Минут через пятнадцать препятствие пройдено, и моим глазам открывается белое поле, уходящее, сколько хватает глаз, вдоль побережья. К берегу грести труднее, поэтому приходится затрачивать много усилий. Наверное, надо было плыть во время прилива, путь при этом удлинится, но сами волны помогают пристать к берегу. Наконец я смог пристать к берегу. Убедившись, что два бревна хорошо цепляют песок и плот неподвижен, я спрыгиваю на берег. Пробую языком пригоршню соли. Да, это соль, причем без горького привкуса.

Глубина солевого слоя составила примерно пятнадцать сантиметров. Дальше начинает попадаться смешанный с солью песок. Буквально за двадцать минут я наполняю оба мешка и котелок. Мешки, затянув их веревками и закрыв клапанами, я отношу на плот. Следом пристраивается и котелок, который стоит, накренившись на бревнах. Я толкаю плот, но он не шевелится – продолжающийся отлив плотно зафиксировал его на песке. Снова толкаю. Но намокшие в воде бревна слишком тяжелы для меня. Я застрял до следующего прилива.

Паники нет, вокруг ни души, но легкое беспокойство все же есть. С этой стороны нет обрыва, и звери сюда приходят полакомиться солью. Видимо, лев также рычал здесь. Да и останки травоядного были недалеко в сторону долины. Правда, с моего места их было не видеть. В противоположную от гряды сторону до самого горизонта расстилается соляное поле. Мое мачете со мной, пистолет за поясом. Даже есть с собой запасные патроны, правда только дробовые, но целых пять штук. На мой взгляд, в сторону долины залежи соли простираются на метров двести, это примерно до границы кустарников, если провести визуальную линию.

Любопытство заставляет меня подойти и осмотреть долину. Не стоять же столбом, дожидаясь прилива. В сторону долины поверхность идет еле заметным подъемом, поэтому граница соли заканчивается внезапно – дальше волны просто не доходили. Иду рядом с каменной грядой, те-

перь она справа от меня. Дохожу до места, где на моей земле обрыв, с этой стороны обрыва нет, но есть довольно крутой склон, испещрённый следами копыт. Вижу практически на чисто обглоданный скелет, оставшийся после львиной охоты – падальщики постарались.

В долине ничего не изменилось. На некотором удалении были видны животные, трава на склоне вся вытоптана, видимо травоядные часто приходят за солью. Небольшая рошица из десяти деревьев по левую сторону в метрах пятидесяти привлекает моё внимание. На ветках сидят птицы, очень похожие на цесарок, а может это и есть цесарки. Охотничий азарт охватывает меня, и я начинаю к ним подкрадываться. Птицы – точно цесарки, только сплошь серые, без ярких крапинок.

Они не замечают меня, но тревожно галдят, пронзительно вскрикивая. Уже подкравшись, я вижу, чем они так взволнованы – внизу среди травы дерутся две цесарки. Они меньше тех, что на деревьях, я даже подумал, что это птенцы. Но потом я заметил, что у них на головах были мощные гребни. Подпрыгивая, они бьют друг друга крыльями, ногами и мощными клювами. Метрах в трех, практически надо мной, две крупные цесарки сидят вплотную и галдят, вытягивая шею.

Навожу на них пистолет и жму на курок. Грохочет выстрел, и одна птица кулем падает вниз, Вторая летит прочь вместе с товарками, теряя понемногу высоту. Потом она падает в густую траву в метрах ста пятидесяти. Драчунов

на земле уже след простыл. Звук выстрела сорвал с этой рощицы и мелких птичек типа воробьев, которые стайкой выписывают пируэты в небе надо мной. Я забираю цесарку, по телу которой проходит агональная дрожь. Я спешу по склону наверх, чтобы чувствовать себя в безопасности. Искать вторую в густой траве я не рискнул, так как еще не чувствовал себя в безопасности. Если птица только ранена, она может долго бегать в высокой траве.

Вернувшись к плоту, чтобы не сидеть без дела, я ощипал птицу. Это адская работа, требующая терпения. Я несколько раз откладывал, думая просто срезать кожу с мясом и перьями, но делать все равно было нечего, и я вновь принимался за работу. Я вскрыл брюшную полость и удалил все внутренности. Очищенную тушку я промыл в соленой воде и бросил на плот, слегка обмазав солью.

Когда приливная волна дошла до плота, и он снова закачался на волнах, я поспешил отплыть. Теперь трудно было не пристать к берегу, а отплыть от него. Вот снова огибаю каменную гряду и вхожу в свою бухточку, куда меня уже сама несет приливная сила. Сманеврировав веслом, притормаживаю у своего «пирса» – остроконечного куска скалы и накидываю петлю тросика. Не дожидаясь, пока воды станет много, в два рейса по пояс в воде я переношу свою добычу к палатке и устало опускаюсь на землю. Во рту пересохло, вода из бутылочки давно выпита, и надо идти к ручью.

Так закончилось моё первое каботажное плавание длиной в несколько сот метров.

Глава 8. Дождь и неожиданное оружие

Цесарка была довольно большая, мне ее хватило на два дня полноценного питания. Соскучившись по животному белку в таком виде, я ел только птицу. Варить ее пришлось дважды, так как в мой котелок она не помещалась. Третью часть тушки я притопил в ручье в пакете, вода при этом играла роль холодильника. Конечно, не хватало специй, мясо было слегка жестковато, но это было мясо. Не белковая смесь, которую на станции мы получали из тюбиков, а именно мясо. Калорийность у такой смеси была отличная, но вкусовые качества не шли в сравнение с натуральной пищей.

Соль надо было просушить, для этого на ровной площадке я разложил меньший парашют и равномерным тонким слоем рассыпал соль, дважды в день её перемешивая. Надо было сделать еще пару рейсов, освободив для этого еще гермомешки из-под продуктов. Но на очереди была пещера-ледник, где надо было оценить размеры самой пещеры и понять, сколько в ней льда, и не тает ли он до похолодания.

Становилось все теплее, в одежде ходить было жарко, и я сильно потел, особенно если занимался физическим трудом. Вначале я скинул одежду до пояса. Лучи солнца приятно ласкали кожу. На следующий день ходил уже только в тру-

сах – кого стесняться, если ты один на планете? Ослепительно белый, я стал к концу первого дня обгорать. Пришлось дозировать получение солнечных ванн и снова одеваться, чтобы избежать ожогов.

Утром, после плавания за солью, я во время завтрака услышал исходящий с долины трубный зов слона. Оставив недоеденный кусок, я поспешил к обрыву, дожидывая на ходу. Группа из пяти слонов была достаточно далеко, но в том, что это именно хоботные, я не сомневался. Они возвышались среди высокой травы как корабли. Слоны цепочкой уходили в сторону блестящего зеркала реки, которая находилась от меня примерно в шести-семи километрах. Вожак был огромный, трое других слонов чуть поменьше, а замыкал шествие слоненок.

Доев завтрак из ножки и крыла цесарки, я начал думать над сооружением факела. У меня не было горючих материалов, а простой сук давал мало света. Взгляд упал на мою колючую изгородь, которая за это время основательно высохла. Густые переплетенные ветви должны были создавать большое пламя. Я отсек часть куста, которым закрывал проход в изгороди и сунул его в огонь. Он с треском вспыхнул и начал весело пожирать ветки с колючками, давая довольно большое пламя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.